

БОРИС
ЯРНЕ

МАРИЯ

16+

Борис Ярне

Мария

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ярне Б.

Мария / Б. Ярне — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Кто такая Мария? Шпионка мирового уровня или собирательница человеческих душ? Хранительница тьмы или Властительница света? Ведьма она или Фея? Как эта женщина могла быть запечатлена на фото из архивов столетней давности? Какое отношение она имеет к событиям, происходившим в средневековой Германии? И как она способна в считанные часы влиться в операцию российских спецслужб, разработанную на международном уровне, да еще навязывать свой план действий? Способно ли сердце любившего её мужчины разгадать эту тайну? И какую цену придется заплатить им обоим за любовь?

© Ярне Б., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

– Пролог –	6
– 1 –	11
– 2 –	16
– 3 –	20
– 4 –	25
– 5 –	32
– 6 –	36
– 7 –	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Бесполезно тратить всю свою
жизнь на один единственный путь,
особенно, если этот путь не имеет сердца.**

Карлос Кастанеда

– Пролог –

Несмотря на кромешную тьму, в которой оказался Виктор, он не испытывал ни страха, ни отчаяния. Лишь легкое удивление поразило его сознание. Тишина оглушала. Задаваться вопросом о том, где он очутился, показалось ему бессмысленным хотя бы по той простой причине, что к какому либо логическому заключению он прийти не смог бы, в чем он был абсолютно уверен. Единственное, что могло пролить свет на обстоятельства во всех смыслах этого выражения, это немедленные действия. Виктор поднял голову вверх и встретился с той же тьмой. Ни луны, ни звезд. В том, что он находится на открытом пространстве, а не в помещении, он был уверен. Он это чувствовал. Кроме того, он без колебания мог бы сказать, что стоит посреди дороги. Почему? На этот вопрос он не ответил бы. Ощупав себя с головы до ног, Виктор убедился в том, что одет он в тот же самый костюм, что был на нем... лишь мгновение назад. Действительно! Прошло какое-то мгновение, и он оказался здесь. Мгновение с того момента, как он сидел в номере отеля. Это было только что! Отель, номер, за окном ночной Санкт-Петербург. А теперь он здесь. Где? Предстояло выяснить. Еще мгновение и Виктор двинулся по дороге вперед. Вперед! В том, что он шел вперед, он был уверен. Уверенность и решительность, вот что, по его мнению, он приобрел, или раскрыл в себе, за последние несколько дней.

Он шел вперед. Вокруг ничего не менялось. Все та же тьма. Он шел. Все та же тишина, нарушаемая лишь стуком его шагов. Он шел. Время потерялось где-то в этой темноте, заглушенное этой тишиной. Он шел. Он шел и не чувствовал усталости. Он шел, будучи уверенным в том, что обязательно придет туда, где тьма рассеется, а тишина нарушится. Так и произошло.

Через какое-то время он различил вдалеке светящуюся точку. Виктор шел. По мере приближения точка превратилась в прямоугольник. Из-за кромешной темноты источник света определить было невозможно, но было ясно, что бьет он откуда-то изнутри. Ближе стали различимы очертания небольшого здания. Свет горел внутри и пробивался наружу через большие стеклянные двери. Около здания располагалась бензоколонка, возле которой стоял автомобиль.

Не останавливаясь, Виктор вошел внутрь здания и очутился в пустом помещении, потолок, пол, и стены которого были выкрашены в белый цвет. Напротив входа было нечто, очень напоминающее барную стойку. Только Виктор решил к ней подойти, как вдруг, словно из-под земли, из-за нее выскочил кто-то и замер, глядя куда-то вниз. Этот кто-то был одет в черный пиджак, очень напоминающий фрак, белоснежная манишка и, в придачу, несколько неуклюжая фигура делали его похожим на пингвина. Пару секунд незнакомец молчал, после чего, не меняя своего положения и не глядя на Виктора, как-то растянуто произнес:

– Привет, Вить! Ты в шахматы играешь?

– Что? – Виктор не смог скрыть удивления.

– Я тут изучаю игру Геллера против Фишера... Сицилийская защита, так... Ладно. Итак? – незнакомец обратился к Виктору.

– Я кандидат в мастера спорта по шахматам, – пробормотал Виктор, – а откуда вы знаете мое имя?

– Элементарно! Кстати, давай на ты? – предложил незнакомец.

– Хорошо, так как?

– Ну, ты же не Костя?

– Нет.

– Не Дима.

– Нет. – Виктор улыбнулся.

– Ну, вот я и говорю, элементарно. Я Пингвин.

– Не понял?

– Зови меня Пингвином. Это мое прозвище. Ты перекусить не хочешь?

– Нет, спасибо, я недавно ужинал.

– Кандидат, говоришь? Замечательно. Ну, тогда, потом поболтаем. Сейчас тебя ждет один молодой человек. Вон он сидит за столиком. Иди.

Виктор развернулся и только сейчас обнаружил, что все помещение было заставлено столиками, как в настоящем баре.

– Почему «как»? – прочитав мысли Виктора, спросил Пингвин, – это и есть бар. Хотя, мне по душе больше придорожное кафе.

– А, кстати, можно задать вопрос? – обратился к нему Виктор.

– Конечно.

– Раз это кафе придорожное, то стоит оно на дороге, – предположил Виктор.

– Логично, – согласился Пингвин.

– А куда ведет эта дорога?

– А откуда ты пришел?

– Оттуда. – Виктор указал рукой.

– Ну, что ж, значит, ведет эта дорога туда. – Пингвин указал рукой в противоположную сторону.

Виктор внимательно посмотрел на Пингвина.

– Спасибо, – проговорил он, развернулся и направился к ожидавшему его посетителю.

Тот сидел к нему спиной, лицом к окну. Виктор обошел столик.

– Вы позволите? – спросил он молодого человека.

– Я вас ждал, – приподнявшись и протягивая Виктору руку, произнес тот. – Присаживайтесь. Меня Генрихом зовут.

– Виктор. – Пожав руку, Виктор сел за столик.

С минуту молодые люди молча смотрели друг на друга.

– Что ж, – нарушил молчание Генрих, – значит на этой дороге.

– Прошу прощения?

– Я после расскажу. Мы с тобой не одни. Думаю, ты это понимаешь.

– Я не очень понимаю, о чем речь.

Генрих вздохнул и спросил:

– Ты ее любил?

Вопрос всколыхнул сознание Виктора.

– Ее? – несмело переспросил он.

– Ее... – Генрих заглянул Виктору в глаза и тихо добавил: – Марию...

Виктор мгновенно все понял.

– О вечности сложно говорить в прошедшем времени, – заметил он.

– Согласен. – Генрих улыбнулся. – Тем не менее, став ее заложником, невольно осознаешь прошлое, не понимая, что ждет впереди.

– А впереди что-то ждет? – спросил Виктор.

– Непременно, – уверил Генрих. – Я в этом убедился.

– Как это может быть?

– Сам узнаешь. У каждого свой тоннель, коридор, называй, как хочешь, и попадаешь ты в него разными путями, и далеко не всегда тем путем, каким попал сюда ты.

– Откуда ты знаешь, как я сюда попал? – Виктор подумал о том, как быстро он сошелся с Генрихом.

– После расскажу. Я много, где побывал. Уже. У меня автомобиль. Ты готов?

– Пожалуй, готов, – не задумываясь и не спрашивая к чему, ответил Виктор.

– Вы готовы, молодые люди? – слышалось из-за стойки.

– Да, Пингвин, – ответил Генрих и поднялся со своего места.

– Тогда, вперед. А с тобой, Виктор, мы позже сыграем в шахматы.

– Договорились. – Виктор встал и направился за Генрихом.

Подойдя к автомобилю, Генрих остановился и спросил Виктора:

– А ты когда-нибудь всерьез задавался вопросом о том, есть ли жизнь после смерти?

– Странно слышать это, находясь здесь, – улыбаясь, проговорил Виктор. – Этим вопросом задается каждый, как мне кажется. Есть ли жизнь после жизни?.. А есть ли смерть после смерти?

Генрих улыбнулся в ответ.

– Садись, поехали! – скомандовал он. – Есть ли смерть после смерти?..

Солнце уже готово было скрыться за водной гладью, и закат заливал кровью морской горизонт, придавая пейзажу зловещую красоту. Закат разбрызгивал багрянец, стремясь охватить ужасом все обозримое пространство. Волны, испестренные алыми бликами, накатывались на берег, черной скалой встречающий стихию. Волны ласкали холодный гранит, стараясь на мгновение задержаться на суши, красной пеной окутывая безжизненную твердь.

Тихой поступью шла она вдоль берега, наслаждаясь очарованием ужаса, невольно писанного самой природой. Легким шепотом приветствовала она кончину дня. Мягким шорохом отозвались алые розы в ее руках. Кроткой нежностью окутался берег, мешая черные краски скал с багровым отблеском волн. Неслышно ступала она дальше, в пустоту, во тьму.

Нечаянно из букета выпала роза и неслышно пала на холодный черный гранит, добавив алого цвета к картине уходящего дня.

Кончина дня... как не привычно это явление, оно всегда кажется неожиданным, неуместным, преждевременным. Конец дня, как и конец жизни, неизбежен, печален и... восхитителен. Что происходит после? Возможно, она это знает. Знает, но никогда не скажет. Откуда она пришла? Когда? Вместе с зарождением жизни? Да, она наблюдала за рождением, за жизнью, чтобы в какой-то момент пресечь ее. Что ей движет? Для чего она? Для кого она? За что она?

И как страшна ее загадочная, незримая красота, коей охватывает она мир, ее ужас прекрасен своей таинственностью, а деяния жестокостью, горем и... освобождением...

По наитию ли, по умыслу ли, по расчету ли...

И нет предела ее фантазии...

И неизбежна она!

И... таинственна. Таинственна, жестока и... прекрасна...

Кто она?..

Легкое дуновение ветерка оторвало лепесток от розы и он, оказавшись один на черной скале, испустил струйки крови, потекшие навстречу красноватой пене, накатывающей на берег. Солнце все ниже опускалось к горизонту. Закат становился все зловещей, а его багровый окрас все глубже.

Тихой поступью,

Легким шепотом,

Мягким шорохом,

Кроткой нежностью...

Ветер... и второй лепесток отлетел от бутона, расплескав кровь по черному граниту. Мрак подступал. Весь горизонт был залит багровой кровью.

Казалось, кровь, только что бешено стучавшая в висках, покинула тело, сердце охватил ледяный ужас, заставив его перестать биться в скованной холодом груди. В ушах нарастал

зловещий шум. Сидя спиной к открытому окну, Генрих обоими ладонями что есть силы, сжимал рукоятку меча. Он был парализован страхом. Казалось, ничто не могло заставить его развернуться к окну и снова увидеть его, черного всадника, выплывшего из тумана и ставшего посреди двора замка. Черный конь, длинный черный плащ, огромный капюшон, полностью скрывающий лицо.

Генриху было двадцать пять лет, он был единственным сыном и наследником барона Траубе. Барон не разговаривал уже три года. В округе его давно признали сумасшедшим. Проведя всю жизнь в сражениях, он вернулся домой за год до смерти Фридриха II, императора Священной Римской империи, с которым он ходил в Святую землю. Вернулся он совершенно чужим человеком. Первое время он мог сутками сидеть перед камином и молиться. Если же он с кем-то заговаривал, то рассказывал исключительно о войне, а, вспоминая войну, он говорил только о черном всаднике, о том, как во время сражений он непременно встречал его в гуще боя, – всадник проходил сквозь ряды, взлетал над полем боя и исчезал. Или же он встречал его, мерно проезжающим между шатров, где стонали раненые. Лица его он никогда не видел. Говорил он с дрожью в голосе, несвязно, отрывчато, без конца крестясь и оглядываясь по сторонам. Люди были наслышаны о черном всаднике, но никто никогда его не встречал, да и никто не верил в то, что его кто-то мог увидеть, оставшись после этого в живых. Рассказы барона Траубе сочли бредом и вскоре, особенно после того, как он замолчал, забыли. Забыл и Генрих.

А кто же стоял за окном?..

Еще один лепесток оторвался от бутона. Роза вжилась в скалу. Тьма наступала. Лепестки один за другим опадали, разливаясь кровью по черному граниту. Последние лучи касались берега. Тьма поглощала мир.

Порыв февральского ветра толкнул форточку на пятом этаже могущественного ведомства, заставив выглянуть в окно и бросить строгий взгляд на Фрунзенскую набережную и скованную льдом Москву-реку. Дела неумолимо развернули взгляд обратно, вглубь кабинета.

– Заходи, генерал! Что ты там топчешься, как курсантишко какой?

– Здравия желаю! – отрапортовал генерал Бутыгин.

– Как настроение, Алексей Романович? Давно не виделись.

– Все отлично. Жду ваших распоряжений! – отчеканил Бутыгин.

– Исправный служака ты, генерал. Я доволен. Хорошая новость для тебя.

– Слушаю.

– Превентивный удар... Не забыл еще? Значит так, операцию одобрили наверху. Будет у тебя много работы. По графику начнешь осенью. Доволен?

– Так точно! – воскликнул Бутыгин.

– Тихе, тихе. Не забывай, что операция секретная, и, хоть и отвечаем за нее мы, разрабатывалась нашими коллегами с Лубянки. Наше дело... лопатой махать.

– Прошу прощения, операция одобрена самим?

– Извини, Алексей Романович, это информация излишняя. Есть правила преподнесения проблемы, если данную ситуацию можно назвать проблемой. И есть круг лиц, что в бизнесе, что в правительстве, чьи интересы в данном регионе чудеснейшим образом пересекаются с интересами государства.

– В этом нельзя сомневаться, – улыбаясь, заметил Бутыгин.

Тихий смешок пролетел над кабинетом, врезался в окно и зловещим хохотом пролетел над планетой.

– Финансовая сторона вопроса возложена на ФСБ, так что, все, что твои светлые головы подготовили, от патронов до логистики, все передашь вот сюда. Держи контакты. Генерал ФСБ Корнеев отвечает за операцию со своей стороны.

– У меня все с собой.

– Вот и отлично, дашь мне, я пробежусь свежим взглядом. Надеюсь, ядерных боеголовок не добавил, а то неудобно получится перед мировой общественностью.

– Рука чесалась, да тоже подумал об общественности.

И снова дружный зловещий хохот разлетелся по планете.

– И еще генерал, мне нужна предварительная статистика по предполагаемым жертвам, со всех сторон. И не только человеческих.

– Уже готово. При развитии различных сценариев и в зависимости от временного отрезка, как вступления, так и нахождения в регионе.

– Ты просто золото, а не генерал. Через год увидишь новую звезду на погонах.

– Рад стараться... на благо отечества!

– Давай свои бумажки. А знаешь, Алексей Романыч, о чем я вот только что подумал?

– Я вас слушаю.

– Представь, вот прямо в это же самое время сидят в Пентагоне такие же, как мы с тобой, и планируют свою операцию, примерно такую же. А, как тебе?

– Да уж, главное, чтобы регионы не пересеклись.

– Это точно, как-то неудобно получится.

Дружный зловещий холодный хохот рассеялся по планете.

– Ну, все, генерал, время. Давай, выходи на контору, передавай им материалы, пусть их светлые головы ищут деньги на приобретение всех твоих инструментов, несущих справедливость в мир.

– Есть.

Роза распалась на лепестки и залила черный гранит кровью. Солнце ушло за горизонт. Мир погрузился во тьму...

– 1 –

Больше не в силах сдерживать напряжение, до судорог сковавшее все тело Генриха, он решил развернуться к окну и покончить с видением. Через силу вобрав воздуха в легкие, он медленно развернулся. Прямо перед ним в окне зияла зловещая черная пустота, выплескивающая тьму из-под капюшона. Это был черный всадник. У Генриха перехватило дыхание, в глазах померкло, он ощутил жуткое головокружение, и в одно мгновение рухнул на пол, выпустив из рук меч.

Только тьма, бесконечная тьма и оглушающая тишина. Не хватает воздуха. Нечем дышать! Становится нечем дышать! Тело покрылось потом. И холод, ото всюду веет холодом. Откуда же этот жар внутри? Музыка, это музыка или это в ушах шелестит ужас? Щебет птиц. Откуда щебет? Нечем дышать! Холод! Жар! Крик...

Он открыл глаза и принялся жадно хватать ртом воздух. Было светло. За окном щебетали птицы. Он был покрыт потом. Что это было? В дверь постучались.

– Витя, с тобой все в порядке? Я войду?

– Да, мама, все хорошо, можешь войти, – хриплым голосом проговорил Виктор.

– Мне показалось, я услышала крик. – Мать спешно вошла в комнату Виктора и присела возле него на стул. – Ты как себя чувствуешь?

– Мама, это был сон, – еле шевеля губами, произнес Виктор.

– Ты весь в поту, – обеспокоено проговорила мать. – Дай пульс пощупаю.

– Мама, все хорошо. – Виктор улыбнулся.

– Ты когда к врачу соберешься? – строго спросила мать.

– Зачем, мама? – удивился Виктор.

– Я же вижу, что с тобой что-то не так. То у тебя голова кружится, то ты дышишь тяжело, то от ужина отказываешься...

– Мама. – Виктор приподнялся на кровати. – Это возрастное. Ничего страшного в этом нет. И к какому врачу ты собиралась меня отправить?

– Я бы провела комплексное обследование. Ты же с детства такой слабенький, болезненный. Спортом не занимался.

– Очень хорошая рекомендация от родной матери, – смеясь, заметил Виктор. – Просто комплимент мужчине к его двадцати пяти годам. И, если ты не забыла, я шахматами занимался. И стал кандидатом.

– Для здоровья это, конечно, очень полезно, – иронично заметила мать. – Ну, скажи, ты в порядке? Что с тобой сейчас произошло?

– Я же сказал, ничего, – ответил Виктор. – Сон какой-то странный приснился.

– С тобой раньше такого не было, – не успокаивалась мать.

– Я же говорю, это возрастное, – настаивал Виктор.

– Ну, тебя! Что за сон?

– Мам, лучше не спрашивай, я его сам еще не переварил. К тому же, он был страшный, – понизив голос, произнес Виктор, – я бы даже сказал, ужасный, а тебе нельзя волноваться.

– Ох, дите дитем. – Мать покачала головой. – Поднимайся. Через двадцать минут семейный субботний завтрак готов будет.

– Блинчики?

– Угадал.

Наскоро собравшись, приняв душ, Виктор вышел к завтраку.

– Что там с тобой стряслось? – спросил его отец.

– И тебе доброе утро! Папа, и ты туда же? Хочу напомнить, что мне не пять лет, а двадцать пять. И ничего со мной не случилось. Переволновался накануне – долго бумажки для суда по стопкам раскладывал, вот и приснился кошмар.

– Жениться тебе пора, – вставила мать. – Так и не обзавелся еще?

– Мама! – возмутился Виктор.

– А что? Уже полгода прошло, как ты с Оксаной порвал после двух лет. И ведь, так ничего толком и не рассказал. Мы твои родители, – это я напоминаю, – и о своих душевных ранах можешь нам рассказать, поделиться.

– Никаких душевных ран, поверь. Где блинчики-то? – парировал Виктор.

– А любовь? – вмешался отец.

– Пап, ну, честное слово, не очень я люблю на такие темы разговаривать. Любовь? Что это? Я помню в школе, даже в институте, особенно на первых курсах, меня будоражило при виде какой-нибудь девочки, не важно, сходился я с ней или нет, я что-то чувствовал, что-то... колотилось вот тут. – Виктор постучал по груди. – Нет, вот тут. А Оксана?..

– Да, что Оксана? – поинтересовалась мать.

– Служебный роман, который романом сложно назвать, поскольку... ну, ничего не колотилось, просто вокруг ни у меня, ни у нее никого не было. Что это, преступление, или как-то неправильно мы поступали друг с другом? Хорошая девушка, могло что-то быть, но не вышло. А ждать? Какой смысл. Нет этого в груди, или еще где, нет. Не могу же я насильно это вколачивать.

– Ну, а другие? – серьезно спросил отец, после чего тут же улыбнулся.

– Что я могу сказать? Не пользуюсь я популярностью у женской части человечества, – смеясь, ответил Виктор.

– Эх, сынок, – вздохнула мать. – Я думаю, ты слишком хороший, слишком добрый, мягкий, и себе на уме.

– Мама, ты с утра меня просто поливаешь комплиментами.

– Нужно быть жестче, напористой, уверенной в себе, – не унималась мать.

– Для кого, мама? – смеялся Виктор.

– Да для кого-нибудь, для той, кто тебя сразу заметит! – вспыхнула мать.

– А я для начала никого не должен заметить? – поинтересовался Виктор.

– Сынок, извини, но с твоей инициативностью... – начала мать.

– Ладно, мать, – прервал отец. – Это дело наживное, приходящее. Никак ты это не прогнозируешь. Человек хороший и этого достаточно. Вот работа тебя, я вижу, не очень-то увлекает.

– Это верно, пап. Мы об этом уже не раз говорили. Это, думаю, также дело наживное и приходящее. Раз в детстве я не стремился стать космонавтом, пришлось пойти туда, куда вы посоветовали. Что я и сделал, и достаточно неплохо закончил Юридический факультет. Я не рвусь к звездам, папа.

Отец молчал.

– Не могу же я насильно вбить себе в голову еще и мечту, или цель. Не получается. Я более чем уверен, большинство людей находятся в той же ситуации. Они просто живут. Живут в свое удовольствие.

– И что же ты хочешь, Виктор, только честно? – спросил отец.

– Я хочу просто жить. И не просто жить, а живя, приносить пользу тем, кто рядом со мной, работая, приносить пользу тем, кому моя работа нужна, какой бы она не была. Юрис-консульт? Что ж, значит так и будет пока. Ты же знаешь, я юриспруденцию не считаю ни наукой, ни, честно, не в обиду вам, потомственные юристы, более менее, достойной профессией. Но и в ней можно быть достойным, достойно выполняя возложенные обязанности. Я просто хочу быть полезным.

– Хороший ты парень, права мать, – ласково произнес отец. – Что ж, утренняя беседа родителей с сыном прошла успешно. Предлагаю, наконец, приступить к блинчикам. Никто не против?

– Но о женитьбе ты задумайся серьезно, – не унималась мать.

– Мама! – воскликнул, смеясь, Виктор. – Папа, заступись. Я три года, как институт закончил, год, как в Арбитражном суде работаю. У меня за душой ни гроша.

– Не в этом дело, Витя, – продолжила мать.

– Мама, ну хватит. Как только я встречу женщину мечты, я тебе тут же сообщу.

– Кстати, Вить, а ты когда в отпуск собираешься? – спросил отец. – Год прошел, я не помню, чтоб ты ходил.

– Да могу, хоть сейчас взять. Середина мая не самое лучшее время, конечно.

– Через неделю Иришка из Воронежа на выходные приезжает к подругам, я пообещал ее родителям, что ты проведешь ей экскурсию по Москве. Если ты еще помнишь свою двоюродную сестру, – сказал отец.

– Помню, конечно. А что это она под конец учебного года, перед выпускными экзаменами решила приехать?

– Мосты наводит, – объяснил отец. – Ей же поступать летом, вот к своим старшим подругам и хочет заскочить на консультацию.

– Иришка – девка пробивная, – заметила мать.

– Мама, это опять в мой огород. – Виктор смеялся.

– Да брось ты. Давайте на блинчики налегайте.

– В следующие выходные? – спросил Виктор. – Только на выходные?

– Да, а что?

– На выходных-то я ее итак свожу, куда она скажет. А отпуск...

– Возьми отпуск, сынок, – сказал мать, – отдохни. Мне совсем не понравилось сегодняшнее утро. Я теперь спать спокойно не смогу. И о врачах подумай.

– Мама! – воскликнул Виктор. – Так мне о врачах или о женах думать? Возьму. Две недели, и я в отпуске. Без врачей.

– Витя! – вспыхнула мать.

– Мама!

– Да хватит вам уже, – вмешался отец. – Ты сегодня что делать собираешься? Это я так спросил, из любопытства.

– Погода шикарная. Прогуляюсь куда-нибудь, – ответил Виктор.

Виктор был единственным ребенком в семье. Родился он слабым и хрупким, все детство болел, больше обычного, поэтому родители с самого его рождения оберегали его, как могли. Из-за слабого здоровья мать категорически запрещала ему посещать какие бы то ни было спортивные секции, подразумевающие силовые нагрузки, – это после она уже журила сына за то, что тот нигде ничем не занимался, нигде, кроме шахматного кружка. Однако маменькиным сыночком назвать его нельзя. Он был достаточно самостоятелен и ответственен. Душой компании он никогда не был, но его всегда были рады видеть в любой компании. Он был настолько добр и отзывчив, что никто и нигде, ни в школе, ни в институте не мог сказать о нем ничего дурного. Кроме всего прочего он был честен и порой настолько прям, что спорить с ним не имело никакого смысла. Что-то притягивало к нему, какая-то врожденная теплота. На вопрос о том, какой он, любой, кто его знал, ответил бы категорично: «Хороший человек. Самый хороший человек». Даже школьная шпана никогда его не трогала, – его уважали за его честность, открытость и готовность всегда прийти на помощь.

И да, у него не было жизненной цели, кроме той, что заключается в желании принести помощь. Кто знает, возможно, это даже гораздо значительнее стремления открыть новую

планету или стать знаменитым артистом. Ему не раз говорили, что юриспруденция это не его конек, и что ему нужно было пойти учиться на врача, подразумевая его врожденное участие к людям, но, следуя советам родителей, которых он очень ценил и уважал, он пошел по их стопам. И не важно, где быть хорошим человеком. А это такая редкость, где бы то ни было.

У Виктора была страсть – искусство и литература, в особенности, поэзия. В его комнате стоял огромный книжный стеллаж, до отказа забитый книгами. Он мог читать сутками напролет, читал он все, и если это были стихи, то понравившиеся он заучивал сразу же. Любил он рассматривать альбомы по искусству и архитектуре, изучал особенности архитектуры разных городов. Особую любовь он испытывал к Санкт-Петербургу, бывать в котором ему приходилось неоднократно. Он мог бродить по его улочкам сутками. Москва, возможно, потому, что он тут родился и вырос, не вызывала в нем такой страсти, тем не менее и ее улицы не оставались без его внимания. Вместе со всеми музеями и галереями, посещение которых он считал обязательным и регулярным. Он был уверен, что рассматривая шедевры живописи, он впитывает в себя их красоту и загадочность гения. Он был романтиком, как не смешно это звучит в наше время.

Выходные он посвятил прогулкам по центру Москвы и посещению Пушкинского музея, представившего выставки нескольких зарубежных художников. В первый день, в субботу, он так устал за день, что придя домой, наскоро поужинав и даже не почитав перед сном, он завалился в постель и тут же уснул. И лишь в воскресенье вечером, уже улегшись в кровать, он вспомнил о сне, виденном позапрошлой ночью. Он никак не мог восстановить его картину, даже не картину, а ощущения самого сна, ощущение невиданного доселе страха. Ведь, кроме страха во сне ничего не было. Как можно было увидеть страх? Тьма, холод, озноб, жар и глухой шум. Больше ничего не было. Но это был именно страх. Из прошлого? Из будущего? Последствие чего-то неведомого или предчувствие чего-то. Страх... Размышляя, Виктор долго не мог заснуть. Ему казалось, что он уже не сможет спать, пока не разгадает тайну ощущения сна. Тайну ощущения страха. Тайну этого страха, его природу.

Генрих очнулся от стука в дверь. Он обнаружил себя, лежащим на полу. Рядом, в пролившихся через окно лучах утреннего солнца сверкало лезвие его меча. С трудом поднявшись, он направился к двери. Подойдя, он остановился и прислушался к шуму, доносившемуся из-за двери и, судя по всему, уже распространившемуся по всему замку. Генрих невольно опустил голову. Он понял причину шума и суеты. Медленно отворив дверь, он встретился с заплаканным лицом его служанки, Марты.

– Господин... – начала она.

– Я знаю, – тяжело выговорил Генрих.

– Ваш батюшка, – не слушая его, продолжала Марта, – он... храни Господи его душу, ночью он преставился. О, Генрих, пойдемте, я провожу вас к вашей матушке. Ей нужна ваша поддержка.

Генриху казалось, что он попал в туман. То ли слезы заволкли его глаза и не отпускали их, то ли переполох в замке создавал такое ощущение.

Мать сидела на коленях перед кроватью мужа.

– Матушка, – тихо произнес Генрих.

– Сын! – мать вскочила, бросилась в его объятия и разразилась рыданием.

«Черный всадник забрал его», – хотел было сказать Генрих, но к его изумлению, мать его опередила.

– Черный всадник забрал несчастного, – сквозь слезы простонала мать.

– Матушка, что вы такое говорите? – воскликнул Генрих.

– Да, милый, это нечистая сила, та о которой твой отец твердил в первый год своего возвращения из Святой земли. Господь покарал его, его и его брата, твоего дядю Альберта.

– Но почему вы так думаете, матушка?

– Ты многого не знаешь, сын, – глухо отозвалась мать. – Ты не знаешь, что они творили в походах. Нечистый забрал их. Дьявол возложил свою длань на наши места.

– Я думал...

– Молчи, сын, – оборвала его мать. – Довольно горя. Нас испытывали все то время, что твой отец молчал. Дьявол смеялся над отцом, и наконец, прибрал его к себе.

– Зачем ты это говоришь, мама? – удивился Генрих.

– Не говори этого никому, сынок, – не слушая его, продолжала мать. – Никому. Ты чист душой. Оставайся таким, не дай Дьяволу завладеть тобой. Отца отпоют и похоронят. Все будет, как следует, как и должно быть у честных христиан. Боже мой! Боже мой! Мессу проведем в церкви. Нам помогут все организовать. Ты иди, побудь один. Тебя позовут...

– Но мама, можно... – Генрих хотел подойти к покойному, но мать непустила его.

– Да убережет тебя Господь. Ступай.

Генрих повиновался и направился к себе.

– Генрих! – окликнула его мать, – теперь ты глава дома, барон Траубе.

– Да, матушка, – Генрих склонил голову.

– 2 –

Порыв теплого майского ветра толкнул форточку на пятом этаже могущественного ведомства, заставив выглянуть в окно и бросить строгий взгляд на Лубянскую площадь и кружившие по ней автомобили. Дела неумолимо развернули взгляд обратно, вглубь кабинета.

– Проходи полковник! Что повис в дверях, как какой-то курсантик? – скомандовал генерал Корнеев.

– Здравие желаю, товарищ генерал! – полковник Железнов бодро вошел в кабинет и встал возле стола, напротив генерала.

– Присаживайся. Что привело тебя в столь неурочный час? – спросил генерал. – Отчет я от тебя ждал только через неделю.

– Прошу прощения, товарищ генерал, – начал Железнов, – непредвиденные обстоятельства.

– В чью пользу?

– Не в нашу, к моему глубокому сожалению, – ни моргнув, произнес полковник.

– Мне стоит волноваться? – поинтересовался Корнеев.

– Товарищ генерал... – начал Железнов.

– В какой сфере течь? – оборвал его генерал.

– В финансовой.

– Черт возьми, Железнов! – воскликнул генерал, – тут-то что не так? Операция через четыре месяца. Твои буржуи денег откопать не могут?

– Деньги есть, – ответил полковник. – Проблема возникла с их перекачкой.

– Говори русским языком, – скривив лицо, попросил генерал, – я в этих экономических лабиринтах ни черта не смыслю. В двух словах.

– Я, признаться, товарищ генерал, – сказал Железнов, – тоже не финансист, – у нас для этого целый штат, – но в двух словах это выглядит так: есть наш банк, в который деньги поступают каким-то там хитрым образом, – не буду вдаваться в подробности, – через другие два банка. Банк первый – коммерческий банк АО «Исток», второй АО «Аркада».

– Название первого символично, – заметил Корнеев. – Нарочно подбирали?

– Никак нет, товарищ генерал.

– Продолжай.

– В каждом из этих банков под видом обычных клерков посажены наши люди, что собственно и позволяет нам осуществлять оперативное реагирование...

– Продолжай, – позволил генерал.

– Они, разумеется, прослушивают...

– Продолжай, – поторопил генерал.

– Наш человек из «Истока», похоже, решил вильнуть в сторону.

– Твои люди, Железнов! – строго произнес Корнеев.

– Я готов нести ответственность, но ситуация требует немедленного разрешения.

– Продолжай! – махнул генерал.

– Наш крот решил отжать у банка некую информацию без нашего ведома...

– Как мы об этом узнали? – решил уточнить Корнеев.

– Люди в обоих банках изолированы друг от друга, – продолжал Железнов.

– То есть?

– Их функционал не подразумевает взаимодействие и какое-либо вмешательство во внешние операции, – сказал Железнов.

– Поясни.

– Человек из «Истока» ничего не знает об «Аркаде», как человек из «Аркады» об «Истоке». Я имею в виду, как об инструментах, необходимых для функционирования нашего банка. Они отчитываются исключительно по поставленным перед ними задачам, – говорил полковник. – То есть, о связи между этими двумя банками, рассчитанную на наш банк, они ничего не знают.

– Это я понял, – кивая головой, произнес Корнеев. – Но эти банки взаимодействуют между собой вне зависимости от наших потребностей?

– Конечно, поэтому, в частности, они и были взяты в разработку.

– Итак, как вы узнали?

– Руководство банка «Исток» обратились в ГУЭБ, – понизив голос, проговорил Железнов.

– Вашу мать! – воскликнул Корнеев.

– Нами была перехвачена информация, – не давая гневу генерала распалиться, продолжал полковник, – мы деликатно, незаметно... подсуетились, и коллеги из министерства любезно передали дело в наши руки, известив об этом руководство банка.

– Почему я узнаю об этом только сейчас, полковник? – возмущенно спросил Корнеев.

– Необходимо было в максимально сжатые сроки забрать у МВД дело, – докладывал Железнов. – Прошу прощения, товарищ генерал, время не позволило. Риск возрастал каждую минуту. С министерством все улажено.

– Но как вы объяснили банку, что дело должно находиться в нашем ведомстве?

– Мы не объясняли. ГУЭБ поставил банк перед фактом. Им, по большому счету, нет до этого никакого дела. До тех пор...

– Пока они не поймут, что человек, которого они взяли, это наш человек, – предположил Корнеев. – Он молчит?

– Насколько мне известно, да. Он задержан службой безопасности банка, и они держат его у себя.

– Что за черт! – вскричал генерал. – Они имеют на это право?

– К нашему сожалению, да, – ответил Железнов. – У них есть для этого соответствующая лицензия и договоренность с МВД.

– Что еще за лицензия? – ворчал Корнеев. – Откуда это все берется? И при чем тут МВД, если дело ведем мы?

– Деликатная ситуация, – мягко проговорил Железнов, – не хотелось бы увеличивать напряжение.

– Так, ладно, – выдохнул генерал, – мы делали запрос на его выдачу в наши руки?

– Нет, товарищ генерал. Из опасения вызвать подозрения. Наш крот не полный идиот, и понимает, что он итак хорошо попал, а если он еще себя и выдаст относительно нас, то ему лучше там и умереть.

– Меня не успокаивает ваш оптимистический настрой, – заметил генерал. – Давайте прервемся. Ситуация не позволяет завершить начатое?

– Так точно, товарищ генерал, – подтвердил Железнов. – До выяснения обстоятельств банк заморозил текущие сделки.

– У нас есть страховочные варианты? – поинтересовался Корнеев.

– Разумеется, но в запасе у нас месяц, а этого крайне не достаточно.

– Я тебя понял, полковник. – Генерал задумался. – Надеюсь, ни в министерстве обороны, ни, тем более, выше, ничего об этом еще не знают.

– Конечно, товарищ генерал, – уверил Железнов.

– Хорошо. Я выкачу им это сам... Ладно, это мое дело. Продолжай. Так, стоп, а что за информация, из-за которой все разыгралось?

– Смутная. Выясняем.

- Давай дальше.
- Пока с руководством банка мы провели только одну встречу. Необходимо было выяснить, что с этой информацией собирался делать наш человек.
- Удалось выяснить?
- Удалось. – Железнов выдержал паузу. – Но не у банка.
- Интригуешь, Железнов, – погрозив пальцем, проговорил Корнеев.
- По относительно удачному стечению обстоятельств, – быстро заговорил Железнов, – данные он намеревался передать сотруднику банка, с которым «Исток» плотно работает.
- Пугаешь, полковник. «Аркада», или как там его? – спросил генерал
- Совершенно верно, – подтвердил полковник. – Он вышел на клерка, с которым привык работать, и предложил ему сделку. Предложил еще до того, как выкрал данные.
- Я продолжу за тебя, полковник? – предложил Корнеев. – А того клерка, как и всех в банке, прослушивал наш человек из этого банка, и, выйдя на него, предложил ему перекупить информацию?
- Верно, – снова согласился полковник, – и таким образом поступил он более корректно по отношению к своему ведомству, сообщив нам об этом. Разумеется, о продавце он ничего не знает, как и не знает о том, что это, собственно, за информация. Толком не знает.
- А зачем он тогда этим занялся? – удивился генерал. – Инициативный товарищ!
- Ну, в общих чертах он рассказал о том, что это некая программа, разработанная управлением стратегического планирования банка «Исток», позволяющая многократно увеличить, – я тоже не финансист и путаюсь в терминологии, – эту, доходность, или... ну да, похоже, увеличить прибыль... Многократно...
- Полковник, – строго произнес Корнеев, – Железнов Вадим Николаевич.
- Да, товарищ генерал?
- Ты, дорогой, заработался, я гляжу. Ты не мог с этого начать?
- Прошу прощения, – Железнов растерялся.
- Нам нужна эта информация, мать твою! – вскричал генерал. – Это, может быть, позволит решить проблему, которую ты создал, без помощи твоей цепочки банковской. Тьфу ты, господи! Идеальный вариант состоит в следующем. Первое – мы получаем эту информацию, второе... нет, это все должно произойти параллельно. Вытащить нашего человека, не засветив его... Стоп.
- Именно, товарищ генерал, если «Исток» узнает покупателя, ситуация может только ухудшиться. Под покупателем я подразумеваю нашего человека из «Аркады», которого этот клерк сольет без промедления, как только на него надавит СБ банка, того или иного.
- Так, покупателя «Исток» не знает? – уточнил генерал.
- Не знает, конечно.
- Допустим, – продолжал генерал, – пусть это будет частное лицо, не имеющее отношение к «Аркаде». Мы замкнем цепочку на нем.
- Прошу прощения, товарищ генерал, каким образом?
- Не мне тебя учить, полковник, – промолвил Корнеев. – Во время передачи данных может всякое произойти.
- Но как организовать передачу? «Исток» категорически не хочет выдавать крота до выяснения обстоятельств.
- Тебе не кажется, что они что-то подозревают? – спросил Корнеев.
- Вполне вероятно, хотя повода им никто не давал.
- Даже если это и не так, что, надеюсь, вернее первого утверждения, они очень ценят эту информацию, и не намерены рисковать даже при нашей страховке и разработанной операции по передаче. То есть, из крота они хотят вытянуть все. Думай, полковник, как устроить пере-

дачу, как их уговорить на это, как сделать так, чтобы о конечном покупателе никто не узнал, и как заполучить эту программу.

Железнов тяжело вздохнул.

– Ты можешь не вздыхать, – грозно произнес генерал. – Просто представь, сколько голов полетит, что с Министерства обороны, что с нас. И поставь в известность, ладно, я сам соби-
рался. Бутыгину сообщу. Пусть придумают пути отхода, если что. Он не дурак, и раньше вре-
мени вверх это не пойдет. А так, возможно, свои ресурсы у них есть, поделятся. Сам понима-
ешь, мы хоть и разработчики операции, а ниточка в Кремль от них протянута. Уф, так хреново,
что даже орать не хочется. Свободен. У тебя... да нет у тебя времени. Решай вопрос. Обо всех
действиях тут же докладывать.

– Есть. Разрешите идти? – Железнов встал по стойке смирно.

– Ступай. Я бы даже сказал, беги. Отставить. Подожди.

– Да, товарищ генерал.

– В банке тебе не сказали, крот-то наш в курсе, что дело ведем мы? Или я уже спраши-
вал...

– Нет. Я не стал на этом заострять внимание.

– Правильно сделал, но лучше бы он об этом узнал. Так он сдаст покупателя, думая, что
у нас все под контролем, и, возможно, те согласятся на организацию передачи. Пока я вижу
только один способ замести за собой. За тобой.

– Но не факт, что они разморозят сделки...

– Может, – оборвал генерал, – попросить у них денег безвозмездно для вторжения в одно
– два государства. Не очень смешно? Ладно, ступай, думай. Думай!

– 3 –

Сложно предположить какое количество художников и поэтов нужно собрать в одном месте и дать им только на миг взглянуть на нее, чтобы они хотя бы отчасти сумели описать всю ее красоту, обаяние, грацию и невыносимую притягательность. Это занятие пустое, они обязательно что-нибудь да упустят. Если всех гениальнейших людей искусства всех времен и народов собрать вместе, то и они бы обязательно что-нибудь да не учли.

Высока, стройна, несколько худощава, что, впрочем, не мешает ее формам заставляя врезаться машинам на перекрестке. Ноги... Что за чудо! Даже если бы она была облачена в длинный балахон, они бы все равно были бы на виду так, что поезда всегда сходили бы с рельс. Ее манера держаться затмит любую светскую, да что там любую, всех светских и львиц и тигриц. Ее роскошные русые волосы всегда были распущены, но никогда не прикрывали лица. Это лицо! Что за диво! Идеально правильный овал, пухлые губки, ровные, как будто нарочно выверенные, зубки ослепительной белизны, прямой, несколько вздернутый носик, немислимый изгиб густых бровей, длинные пушистые ресницы и эти огромные пронзительные черные глаза, из-за которых и корабли все время бы врезались друг в друга во всех портах, а самолеты задевали бы друг друга крыльями на аэродромах.

А звали ее Мария.

А занималась она тем, что... Она коллекционировала! Просто коллекционировала все, что попадалось ей на глаза и привлекало ее внимание. Коллекционировала она все, включая... людей. В своих личных целях. Ее спонсоры обеспечивали ее таким состоянием, что она могла постоянно находиться в мировых турне, где и занималась своим любимым делом.

И вот в чем загадка: никто не помнит, где и когда она впервые появилась. Каждая страна в мире, каждый город претендует на первенство, но сама она никогда об этом ничего не говорила. Для такой богини это не имеет никакого значения.

Устав от своих занятий, Мария решила дать себе отпуск и в качестве места его препровождения выбрала Москву. Разумеется, об этом никто не знал, ни об отпуске, ни о ее местонахождении. Как, собственно, никто, никогда и ничего ни о ней, ни о ее намерениях ничего не знал.

Насколько это было возможно, Мария скрыла свою внешность, чтобы не привлекать внимания, заказала такси и напрямик из аэропорта «Шереметьево» направилась в отель «Метрополь».

Там она уже особенно не скрывалась, поэтому ей, только взглянув на нее, не говоря ни слова, а вернее сказать, потеряв все слова, предоставили лучший номер, не выясняя о том, забронирован ли он был кем-то или нет.

Освоившись в отеле и оставив вещи, она покинула свой номер, решив прокатиться по вечерней Москве. Она вызвала такси и попросила шофера показать ей город во всей его вечерней красе.

Был поздний вечер и дороги были относительно свободны, что дало возможность беспрепятственно кружиться по городу. Мария не отрываясь от окна, вглядывалась в освещенные центральные улицы и в темные переулки, оглядывала высотные здания и выхватывала маленькие постройки. Скверы, бульвары, парки, мосты, рестораны, театры, магазины, ведомства... – ничто не могла скрыться от ее пронизательного взгляда. Не забывала она и о прохожих, которых сканировала своим взглядом. Под конец поездки она закрыла глаза, откинулась на спинку и затаила дыхание. В таком состоянии ее и застал таксист, когда подогнал автомобиль к отелю. Он решил, что она заснула, и несмело проговорил:

– Барышня, мы приехали.

Мария не пошевелинулась

– Барышня, – чуть громче сказал таксист, открывая ей дверь.

– Что? – ответила Мария таким голосом, что таксист отпрянул и повалился на асфальт.

– Мы приехали, – с дрожью в голосе пробормотал он.

– Премного благодарна, – приятным голосом отозвалась Мария, расплатилась с таксистом, стукнула его пальчиком по носу и лукаво улыбнулась. – Я впитала атмосферу вашего города. Пока мне достаточно.

– Я, да не... конечно, обращайтесь, – ни слова не поняв, пролепетал таксист, забрался в машину, захлопнул за собой дверь и тронулся с места.

– Отпуск не вечен, – прошептала она, соскальзывая с бокалом шампанского в джакузи, – немного расслаблюсь и на охоту.

После ванны, Мария вышла на балкон. Неторопливо подняв голову к небу, она также плавно ее опустила, охватывая взглядом весь город, который, казалось, тут же расплылся, перемешав все краски ночи. Мария глубоко вдохнула ночной московский воздух, и тут же резко выдохнула. Картинка города задрожала...

Что-то толкнуло Виктора в грудь. Он проснулся и сел на кровать, спустив ноги на пол. Он зажмурился, встряхнулся, снова открыл глаза и обвел взглядом комнату. Он ощутил свое тяжелое дыхание. Необъяснимая тревога объяла его. Накинув халат, он вышел на балкон. Прохладой ветерок коснулся его лица. Он взгляделся в ночной город, и ему показалось, что... тот дрожит.

– Что со мной происходит? – прошептал он, тряхнув головой.

Вернувшись в комнату, он налил себе стакан воды и залпом выпил его.

– Что это было? Сон? Не могу вспомнить. Два часа ночи. Что меня так выбросило из сна? Почему я так тяжело дышу? Словно марафон только что пробежал. Мама права, и мне нужно к врачу? Нет, нет, что-то не то, не так. Устал? С чего? Что со мной происходит? Что? Завтра напишу заявление и через две недели уйду в отпуск.

Как ужасное может перекликаться с прекрасным? Ужас и красота в загадке. Тьма окутывала сон Генриха, но тьма источала и красоту, и ужас, чудо и страх. Или же он не спал? Он то и дело просыпался и выглядывал в окно, опасаясь, но в то же время, ожидая увидеть черного всадника.

Похороны отца прошли накануне. На них практически никого не было. Все боялись проклятия.

Утром, поднявшись, он спуститься вниз и, подходя к столовой, расслышал отрывки разговора его матери с ее старой знакомой, Анжелой, известной на всю округу сплетницей, главной по распространению слухов и выявлению примет.

– Ой, горе-то какое? – причитала та.

– Да что уж теперь говорить, – прервала ее мать. – Мы последние годы жили, как на кладбище.

– Господь с тобой. Ой, как негоже так говорить. Да еще о своем муже.

– Эх, Анжела, ты же все прекрасно понимаешь... – мать запнулась.

– Понимаю, голубушка, понимаю, но вслух не произношу. Грешно это... все грешно. Уж как владыка наш, Фридрих, отдал богу душу, так и началось у нас брожение повсюду. Ну, да ладно, что это я... о нем.

– Действительно, дорогая, не уходи так далеко, итак, на своем месте тяжко.

– Я тебе больше скажу, соседи на нас косо смотрят, – сказала Анжела.

– О чем ты?

– Да прибрать к рукам хотят, как и там, на севере.

– А что на севере, Анжела? – удивилась мать.

– Захватили родственника нашего графа, разорили, – снова запричитала подруга, – камня на камне не оставили.

– Бог с тобой. А наш-то что?

– Давеча узнал об этом, – зашептала Анжела. – Письмо пришло к нему. Еще почитай с месяц назад со странствующим монахом прибыло. Брат его просил дочь свою приютить.

– Дочь?

– Дочь, единственную наследницу, – затараторила Анжела. – Наследницу, да без кола да двора. А наш-то и обрадовался. У самого ни жены, ни детей не осталось. Вот радость старику на исходе лет! Сам-то он уже не тот, совсем одряхлел. Герцог в последний раз решил обеспокоить его собранием. Да, Генрих-то твой, кстати говоря, на полных правах будет принимать участие в них!

– Да он итак с пятнадцати лет там, – заметила мать. – Ой, сынок, пришлось ему натерпеться. Слава богу, дядю Альберта не помнит.

– Вспомниться, поверь, все вспомнится, – уверила Анжела. – Сейчас такое твориться в округе!

– Что ты все пугаешь-то?

– Давеча, тот дуб, на котором Альберт повесился, был весь воронами покрыт, – с ужасом в голосе, пролепетала Анжела. – Так не улетали, нечистые, пока мужики их дубьем не пошибвали. Не к добру это. На границе земель весь скот пал. По ночам из леса вой доносится, да, слыхивала я, что огонь там адский видели. Никак ведьмы на шабаш собираются. А в прошлую ночь у крестьянок сразу четыре сына родились. Ой, к беде, к войне. Недаром соседнее графство на нас смотрит.

– Да и мы на них, Анжела. У них, поди, не лучше там... – начала мать.

– Уж не знаю, как у них, мне нашей земли хватает. Дурные, дурные приметы... – Анжела перекрестилась.

– Да ты меньше приметам верь.

– Да как им не верить-то, когда все одно к одному. К Герамине бы сходить...

– Господь с тобой! – испугано воскликнула мать. – Анжела, она ж сама, что ни на есть, ведьма первая.

– Вот и я боюсь. Боюсь близко к лесу подойти. Ой, беда, беда. А граф-то наш? Я тебе так и не рассказала, не закончила. Племянница его с севера приехала-таки...

Анжела замолчала.

– Что ж ты? – спросила мать. – Приехала, стало быть, хорошо теперь графу.

– Приехала, – загадочно проговорила Анжела. – Одна! Через весь край. Одна на повозке. Одна, дорогая моя, одна! Представляешь?

– Да что ты заладила? Я поняла, что одна. Это как так она смогла?

– А я о чем говорю? Так вот! Говорят, все слуги по дороге сюда, кто помер, кто разбежался, кого поубивали вороги, да разбойники, а она одна цела, целехонька. Только без вещей – все разграбили, и... одна.

– А ее не тронули? – с сомнением в голосе спросила мать.

– А я о чем говорю? То-то и оно! – воскликнула Анжела. – Все странно у нас происходит.

– Ты видала ее?

– Я нет, не видала, но, слышала, красоты она неземной. Молода! Как она сама смогла добраться?.. Грамоты все при ней. – Анжела задумалась.

– Это ты к чему это?

– А к тому, – начала Анжела, – что могли враги наши вместо племянницы графа, лазутчика заслать, а то и еще чего похуже.

– Чего уж хуже?

– Ой, прокляты мы! – опять запричитала Анжела, – нечисть средь нас...

– Так что ты о графине-то?

– Странно мне, что такая красавица через полземли сама целехонька добралась. Никак соседи наши зло какое удумали.

– Что ты кругами ходишь? – возмущенно спросила мать. – Так что она сделать-то может, даже если это и так?

– Ох, знать бы, матушка... ну, ладно, пойду я. Сынку доброго здравия.

– Спасибо тебе, Анжела, заходи.

– Бывай, вдовушка, все наладится.

Генрих не стал заходить в столовую, а вернулся к себе, лег на кровать и задумался. Нужно было, отталкиваясь от чего-то, чего он сам не ведал, принять решение на будущее. «Матушка моя говорила о том, что отец мой с дядей Альбертом творили что-то жуткое в Святой земле, – думал он. – Матушка опасается, что я вспомню дядю Альберта. О чем она говорила? Я его помню. Да, я помню... Может, она об этом не догадывается? Но я помню, просто... да! – я ей об этом никогда не рассказывал! Ни тогда, когда я узнал о его смерти... ни после... почему? Чего я боялся? Я уже тогда знал, что снова увижу его?.. Его... черного всадника. Как такое может быть?»

Было это двадцать лет назад. Проведя два года в странствиях, после шестого крестового похода, осуществленного Фридрихом II, как раз тогда, когда папа отлучил его от церкви, назвав пиратом, а тот получил ключи от Иерусалима, дядя Генриха, Альберт, заехал к ним в замок погостить. Отец тогда еще не вернулся. Поскольку Генрих был совсем мал, он не слышал, да и не слушал, о чем его дядя разговаривает с его матерью. Он лишь заметил как-то, что мать его была чем-то напугана, и пару раз видел ее заплаканной. Дядя был нелюдим. Его поведение, – Генрих подумал об этом только сейчас, – чем-то напоминало поведение отца, когда тот вернулся в последний раз из похода. Но, в силу возраста он на это все не обращал внимание. Однажды, резвясь во дворе замка, он обнаружил невысокую деревянную лестницу, оставленную крестьянами, и решил ею воспользоваться для обследования стен замка. Приставив лестницу к стене, он заглянул в одно окно, но ничего интересного не обнаружил, в другое – тот же результат. А с третьим ему повезло. Окно выходило из комнаты с камином, и в ней он разглядел дядю Альберта, сидящего спиной к только что разведенному огню. Генрих хотел было постучать в окно, заставив дядю удивиться тому, как его племянник умудрился так высоко забраться, но в последний момент остановился. Он увидел в комнате еще одного человека. Тот стоял спиной к окну, он был облачен в длинный черный плащ с большим капюшоном, покрывающим голову. Незнакомец стоял перед дядей и, казалось, что-то ему говорил, но дядя смотрел мимо него, в пол, и вид у него был настолько потерянный, что Генриху стало его жалко. В этот момент незнакомец начал медленно разворачиваться к окну, и Генрих резво спрыгнул с лестницы. Через некоторое время он уже и забыл об этом маленьком приключении.

Генрих спал один в своей комнате на втором этаже. Дядя расположился этажом выше. Поздним вечером, – когда все уже легли спать, – Генрих все никак не мог заснуть, и вдруг услышал за дверью скрип и шаги. Любопытство не позволило остаться ему под одеялом, и он, спрыгнув с кровати, направился к двери и приоткрыл ее. Он увидел дядю, удаляющегося по лестнице вниз.

– Дядя! – шепотом проговорил Генрих.

Дядя не услышал и продолжал спускаться. Он уже скрылся за перилами, как Генрих выскочил из комнаты, подбежал к краю лестницы и крикнул уже громче. Дядя продолжал спускаться. И тут Генрих заметил, что перед дядей, в нескольких шагах от него, медленно идет тот самый незнакомец в черном плаще.

– Дядя? – уже не надеясь на отклик, спросил Генрих. Пожав плечами, он направился к себе в комнату.

Больше своего дядю Альберта Генрих не видел. Только потом, много лет спустя ему рассказали, что на следующее утро, после того, как Генрих застал дядю, спускающимся по лестнице, его нашли на опушке леса – он повесился на старом дубе.

Генрих лежал и смотрел в потолок.

«Как ужасное может перекликаться с прекрасным? – думал он. – И что все это значит?»

– 4 –

– Мадам, вы свободны? – заикаясь, спросил грузный усатый мужчина, одновременно с Марией, на следующий день, выходящий из отеля.

– Как ветер, – не задумываясь, ответила Мария.

– Может...

– Можете себя чем-нибудь занять. Помогите разгрузить багаж, – мгновенно ответила она и прыгнула в заказанное такси.

– Куда едем, красавица? – спросил водитель.

– Меня Маша зовут, – сказала Мария

– Отношения налаживаются, как нельзя быстро...

– Поэтому быстро, внимательно глядя на дорогу, гони на Фрунзенскую набережную. А отношения наладишь с коробкой передач.

Порыв майского ветра толкнул форточку на пятом этаже могущественного ведомства, заставив выглянуть в окно и бросить строгий взгляд на Фрунзенскую набережную и блестящую переливами волн Москву-реку. Дела неумолимо развернули взгляд обратно, вглубь кабинета.

– Бог ты мой, это вы? Как вы попали в кабинет?

– Перейдем к текущим вопросам, – строго сказала Мария, усаживаясь в кресло в углу кабинета. – И не будем терять времени. Я уже в курсе возникших проблем.

– Я сам толком еще ничего не знаю.

– Это не имеет значения, – безучастно произнесла Мария. – Вы решили поиграть в войну, в очередную войну. Вам не мало?..

– Это не должно вас тревожить...

– Должно! – Мария сверкнула своими угольными глазами, заставив весь кабинет задрожать.

– Что вы хотите знать?

– Проинформируйте генерала Бутыгина о моем визите. Больше мне от вас пока ничего не нужно.

– И как же вас представить на этот раз?

– Консультантом от вас.

– Вам можно отказать?

– Вы на это решитесь?

– Обожаю иметь дело с женщинами, чье агентурное кредо меня интригует. Как скажете. У него, насколько я успел выяснить, возникли проблемы с дружественным ведомством. Вы для этого прибыли?

– Звоните генералу, я направляюсь к нему.

– Что ж, черт меня дерит...

– Не поминайте нечистого, его итак достаточно, – вполголоса проговорила Мария.

– Я его предупрежу.

– Премного благодарна. Форточку прикройте – секреты государства выносит.

– Спасибо за совет, Мария... или как вас там?..

– Алексей Романович, не рано ли? – проговорила Мария, сидя в углу кабинета.

Бутыгин вздрогнул, пряча бутылку водки в сейф.

– Вы кто, вы как тут оказались, черт меня дерит? – воскликнул генерал.

– Да что ж вы без него обойтись-то не можете? Я Мария.

– Да я успел догадаться, – запинаясь, произнес Бутыгин. – Предполагаю, спрашивать, кто вы и откуда, не имеет смысла, я прав?

– Абсолютно, – отозвалась Мария. – Звонка свыше вам достаточно.

– Чем могу, раз уж никак не могу отказать? – Бутыгин уселся за стол.

– Слышала, в одном из ведомств возникли проблемы, – начала Мария.

– Что ж вы так прячете название этого ведомства, раз знаете о проблемах? – поинтересовался генерал.

– Только в общих чертах, – пояснила Мария.

– Да я, милочка...

– Не стоит меня так называть.

– А как? Простите за нескромный вопрос.

– Я Мария.

– Просто?

– Этого достаточно.

– ФСБ, – проговорил Бутыгин.

– Я догадалась, – улыбнулась Мария.

– Что вам нужно? – спросил генерал.

– Общая картина, – сказала Мария. – Подробности я узнаю от того, кому вы меня порекомендуете.

– Вы уверены в том, что я буду вас кому-то рекомендовать? – несколько удивившись, спросил генерал.

Мария поднялась со своего места и направилась к Бутыгину. Тот сразу же встал. Подойдя, она наклонилась к нему, соблазнительно улыбнулась, и произнесла:

– Несомненно!

Произнесла это она таким тоном, что Бутыгин рухнул в кресло, едва не промахнувшись, и пролепетал:

– Будет сделано...

– Сейчас же, – продолжила Мария.

– К-к-конечно. – Бутыгин схватил трубку телефона и принялся набирать номер. – Полковник Железнова срочно. Генерал Бутыгин. Сейчас, – заискивающе пробормотал генерал, глядя на Марию. – Полковник, слушай внимательно, скоро к тебе прибудет агент... а...

– Чтоб выполнял все мои поручения, это два, а перед этим поставил перед проблемой, это раз, – помогала Мария в общении.

– В общем, доложишь ему... ей обстановку по возникшей ситуации. Без лишних вопросов. Приказ свыше. Комментариев нет. – Бутыгин бросил трубку.

– Итак? – спросила Мария.

– Там возникли проблемы финансового характера, но об этом вам полковник более подробно разъяснит... Что-то еще?

– Мне нужны ваши, да и их люди, со всеми техническими, в частности, прослушивающими игрушками. Лично мне. Буду дублировать операцию.

– Но это... – начал было генерал.

– Я все сказала, – отрезала Мария.

– Так точно! То есть, простите. Мне это туда доложить?

– Как считаете нужным. Срок я вам обозначу. И полная доступность.

– Прошу прощение, но доступа у вас...

– Я все сказала!

Бутыгин вжался в кресло.

– Есть, я постараюсь... – пролепетал он.

– Как вы смело с ФСБ сейчас разговаривали, – неожиданно мягко улыбнувшись, сказала Мария. – Осторожнее. Там ничего не забывают.

Мария удалилась, хлопнув дверью.

Форточку Железнов закрыл. Постоял мгновение, любясь площадью, надеясь отвлечься от будораживших его мыслей, но тут же сел на место, опустив локти на стол и охватив голову руками. Звонок, полученный из министерства обороны, он пропустил мимо ушей, не восприняв его всерьез и решив, что это штатная проверка или еще что-то подобное.

– Полковник, вы в печали? – раздался нежный женский голос.

– Черт вас дерит! – встрепенулся он.

– Вижу, вы все работаете на одну фирму, – отозвалась Мария.

– Как вы здесь оказались?

– Вам звонил Бутыгин? Чему вы удивляетесь?

– Но как вы быстро... и это женщина, это вы... Что вы можете... – раздраженно говорил Железнов.

– Оставим причитания, – предложила Мария. – Я готова выслушать вашу версию.

– Вот докатились, мать вашу... – бросил полковник.

– Не стоит при даме, – заметила Мария.

– Что вам нужно, и... кто вы такая? – грубо спросил полковник.

– Если вам что-то не ясно, наберите ему еще раз, – пропустив грубость, предложила Мария.

– Мне достаточно одного. Если он считает меня... – начал Бутыгин.

– Не стоит недооценивать себя, – спокойно оборвала его Мария, – просто бывают обстоятельства, когда имеет смысл принять стороннюю поддержку, и не важно, во что она выльется.

– Вы сейчас о чем? – не понял полковник.

– Изложите суть проблемы, – сказала Мария. – Я рассмотрю варианты.

– А вы кто, капитан Америка? – насмешливо спросил полковник.

– Вы считаете, что министерство обороны послало к вам континентального врага? – улыбнувшись, произнесла Мария. – Суть не в том, что произошла заминка, а в том, как ее аннулировать. Вам же срочно нужна эта... бойня.

– Мне нужно разрешить проблему, – сказал Железнов.

– Итак, я вас слушаю, – настаивала Мария.

– Вы кто? – снова не выдержал Железнов.

Мария вздохнула и, глядя в сторону, тихо произнесла:

– Этого вам лучше не знать. Итак?

– Вы думаете, что я так возьму и расскажу... – Железнов ухмыльнулся.

– Да, – сказала Мария голосом, от которого у полковника затряслись колени, – я думаю, вы обязаны мне все доложить.

– Не слишком ли много вы на себя берете? – пытаюсь справиться с нахлынувшим неизвестно откуда страхом, – чувством, которое, как считал полковник, ему не присуще, – ответил Железнов.

– А вы? – как ни в чем не бывало, ответила Мария.

– Что вы имеете в виду? – не понял Железнов.

– Вы намерены развязать войну, втянув в нее парочку стран, – спокойно заметила Мария. – Вас это не смущает? Вопрос риторический.

– Гуманизма нет в моем регламенте, – заявил Железнов.

– Вы стойкий солдат.

– Я полковник.

– Простите, если нечаянно задела ваши тонкие чувства, и... если они касаются исключительно количества звезд на погонах. Но вернемся к делу.

– Я вас не знаю, – кинул Железнов и повернулся к окну. – Меня предупредили, но... я не вижу, ни причины, ни...

– Хватит бессмысленных прений! – воскликнула Мария.

Железнов задрожал всем телом.

– Что вы такое творите? – пробормотал он.

– Я жду, – твердо сказала Мария.

– Ну, хорошо, – переводя дыхания, выдавил полковник, – значит, не зря предупредили, с верхами не поспоришь...

– Вот и отлично. Насколько мне известно, времени у нас не более месяца.

– Ну, раз вы уже осведомлены, может, еще что скажете?.. – попытался пошутить полковник.

– Довольно, – глубоким голосом произнесла Мария, и Железнова пробил холодный пот. – Вы мне начинаете надоедать.

– Да кто вы такая? – заикаясь, произнес, никак не желавший сдаваться, полковник.

– Ценю вашу силу. Но это зря. Вы должны ввести меня в курс дела.

– Черт побери, – еле сдерживая дрожь, промолвил Железнов.

– Неисправимы вы. Я слушаю, – спокойно произнесла Мария.

Как не сопротивлялся Железнов, под действием необъяснимой силы, сковавшей его волю, ему пришлось выложить незнакомой женщине все, что он знал о проблемах с банками.

– Вот и прекрасно, Вадим Николаевич, – сказала Мария, после того, как тот изложил ей суть проблемы. – Ждите. Да, и еще, вот мой телефон. – Мария положила на стол листок. – Я попрошу вас выслать мне фото заточенного в банке агента. Не тяните с этим.

Железнов даже не заметил, как Мария покинула кабинет.

Вадим Николаевич судорожно открыл форточку и принялся глубоко вдыхать воздух, проникающий в кабинет с Лубянской площади.

– Артур Карлович, – говорила Мария по телефону, как только оказалась в Музейном сквере, недалеко от здания ФСБ, – я вас жду. Вы когда будете в Москве? У меня исключительно насыщенный отпуск намечается. Более того, я уже начала отдыхать, а вас все нет и нет.

– Машенька, – раздалось в трубке, – три дня и я у ваших ног.

– Никак возраст враспloch застал? Вы неделю у меня отнимаете. От отпуска. И на такси мне порой не очень-то комфортно.

– Простите меня, но вы так неожиданно сорвались, да еще куда, в Россию.

– От этого земля не перестала быть круглой и скорость у самолетов не изменилась. Ну, что ж, надеюсь, автотранспорт вы себе, то есть, мне, здесь обеспечите.

– Несомненно, Машенька.

– И еще, не буду спрашивать, что вас там держит, – могу предположить, что это просто лень...

– Маша...

– Вот вам задание к приезду. Лично вам, или вашим, как бы их назвать, пособникам... – начал Мария.

– Мария, меня неумолимо преследует мысль, стала преследовать сразу, как вы мне позвонили, что вы хотите меня обидеть.

– Ни в коей мере, Артур Карлович, – возразила Мария. – Хорошо, вашим подчиненным, соратникам, коллегам, как вам будет угодно. Соберите мне все данные, общедоступные и не только, по банкам России.

– Бог ты мой, по всем? – послышался удивленный голос.

– Их более полумиллиона, насколько я успела выяснить, – спокойно заметила Мария. – Начните сверху, сотню топовых отработайте к субботе.

– Будет сложно.

– Вы постарайтесь.

– Разве вам можно отказать, Машенька?

– Приятно, что вы об этом вспомнили, Артур Карлович. Что ж, позвоните, когда придете. И организуйте лимузин.

– Будет исполнено. Всё как всегда к вашим услугам.

– А я опять вызываю такси. До встречи.

На этот раз Мария, получив всю необходимую для себя информацию от полковника Железнова, решила навестить директора банка «Исток».

– Ваш пропуск? – спросил ее охранник, сидевший в будке возле турникетов.

– Пропуск? – удивленно переспросила Мария.

– Вы договаривались о встрече? – продолжал охранник. – Вы к кому?

– Мне нужен директор, – сказала Мария, доставая губную помаду.

Только тут охранник обратил внимание на внешность неожиданного посетителя. Он затрепетал всем телом.

– Я могу позвонить в приемную и уточнить. Как вас представить? – заискивающим тоном произнес он.

Мария убрала губную помаду в сумочку, обратила лицо к охраннику и полупрошепото проговорила:

– Не будете ли вы так любезны, набрать приемную и передать мне трубку?

– Для вас все, что угодно, – пролепетал охранник.

– Да и позовите кого-нибудь, чтоб меня проводили к директору, – добавила Мария. – А то не дай бог, заблужусь в ваших хоромах.

– Конечно.

Через десять минут Мария входила в кабинет к директору. Еще через две минуты директор попросил секретаршу приготовить кофе.

– Геннадий Вениаминович, у меня к вам дело, – говорила Мария, вальяжно расположившись на небольшом диване, стоящем в углу директорского кабинета, поодаль от стола переговоров. Сам директор устроился в кресле напротив. Их разделял лишь небольшой стеклянный столик, заставленный кофейными приборами.

– Я весь во внимании, Мария, – пробормотал директор. Он заметно краснел, потел, делал какие-то несуразные движения руками, то и дело ерзал на кресле, но самое главное, его взгляд был прикован к взгляду Марии, и имел несколько сумасшедший оттенок.

– Та программа, разработанная вашими умельцами, работоспособна? – начал Мария.

– Какая программа? – удивленно спросил директор.

– Та самая, Геннадий Вениаминович, – шепотом произнесла Мария, немного подавшись вперед. – Земля слухами переполнена.

– А вы... – красный цвет лица директора плавно поменялся на бледный.

– Работоспособна? – повторила Мария.

– Несомненно, она прошла все стадии тестирования, – отчеканил директор.

– Замечательно. – Мария откинулась обратно на спинку дивана. – А если сделать копию, ничего не изменится?

– Ровным счетом ничего, – четко произнес директор.

– То есть, – продолжала Мария, – любой банк, или еще кто, может наслепать копий и пользоваться ей, так? Вы же еще не запатентовали сие чудо?

– Нет, и не торопимся. Мы, как бы вам сказать, и не слукавить? – директор замялся.

– Говорите прямо, не стесняйтесь, Геннадий Вениаминович. – Мария закинула ногу на ногу, слегка одернув юбку. Директор лишь мельком обратил внимание на ее движение, произвольно сглотнув слюну, и снова обратился к взгляду Марии.

– Мы не хотим пока ни с кем делиться, – выпалил он.

– В этом есть свой резон, – заметила Мария. – А как быть с ворами?

– У нас отменная система охраны, – похвастался директор.

– Но вор, все же, завелся, не так ли? – Мария снова начала склоняться над столом, приближая свой взгляд к директору. – Из своих. Или воры? Как быть с ними?

– Вор? Вы знаете о ворах? – выражая легкое изумление, и не сводя глаз с Марии, спросил Геннадий Вениаминович.

– Он сделал копию? – Мария еще ближе наклонилась к директору.

– Да, и он, судя по всему, хотел ее продать, – заворожено говорил директор.

– Логично, не для себя же лично он ее делал. И вам не любопытно узнать, кому?

– Конкурентам! – выпалил Геннадий Вениаминович и ослабил галстук.

– Несомненно, конкурентам! – Мария резко откинулась назад, переменив положение ног и снова одернув юбку. – Но, каким? И конкурентам ли? Или же какому-то определенному лицу? Или еще что...

– Да, это бы и хотелось выяснить, – усиленно сглатывая слюну, заговорил директор, – но по ряду причин мы не хотим выпускать вора из поля нашего зрения. Понимаете, делом занялись органы.

– Страшные? – заинтриговано спросила Мария.

– ФСБ, – вторя тону Марии, ответил директор.

– И что вас смущает? – продолжала Мария.

– Как бы они не переиграли все под себя, – озабочено проговорил директор.

– И поэтому вы бездействуете? – удивилась Мария. – Допустим, вы с ними договариваетесь. Вы отдаете вашему грабителю копию, тот идет на встречу с предполагаемым покупателем, и...

– Понимаете, мало ли что может произойти, – с опаской произнес директор.

– Например?

– Я даже не знаю! – воскликнул директор, – наша служба безопасности опасается.

– Занятный каламбур, – заметила Мария. – У самих у вас не получается, а ФСБ вы не доверяете. В том случае, если бы вы не поймали вора, копия ушла бы конкурентам, во втором, когда вы поймали вора, но привлекли органы, копия оказалась бы в руках у органов... замкнутый круг. Но вас ведь даже беспокоит не тот факт, что копия пропадет, а то, что вы не узнаете, кто на нее позарился, кто конечный потребитель. Вор может вас одурачить, а ФСБ и подавно, после того, как у них это получится выяснить. Вы опасаетесь и покупателя прохлопать, и копию потерять. Я угадала?

– Тут дело даже не в самой копии... – начал директор, тут же запнувшись.

– Подождите, – остановила его Мария, в то же время, обратив внимание на последнюю фразу. – Я понимаю все ваши опасения, но не можете же вы держать вашего бандита вечно. К тому же, это, насколько я понимаю, не совсем законно.

– Ситуация деликатная, поймите, – принялся уверять ее директор. – У него все ниточки, которые нам бы хотелось собрать, как вы, верно, заметили, но он, мерзавец, молчит. А средств, цивилизованных средств, его разговорить у нас, в отличие от той же конторы, нет, да мы и не хотим.

– Вы сами сделали ситуацию безвыходной, – сказал Мария. – По этой причине вы превали все банковские операции? Это вам не навредит?

– А как вы все выяснили? – в очередной раз удивился директор.

– Я предположила. – Мария тут же подалась вперед, и начала склоняться к Геннадию Вениаминовичу. Ее голос принял низкие ноты. – И, тем не менее, кроме этого человека, снять копию с программы может любой осведомленный сотрудник банка. Так?

– Так, – испуганно ответил директор.

– Вы только что заявили, – продолжал Мария, сверля директора взглядом, – что дело даже не в самой копии. Есть что-то еще? – От голоса Марии содрогнулись стены кабинета.

– Да, – прошептал директор.

– Что?..

Директор набрал телефон приемной.

– Ирочка, пригласите Боброва из программного отдела...

Уже через десять минут Мария направлялась к выходу.

– ФСБ что-нибудь придумает, не выпуская вашего подопечного из-под стражи. Рада была пообщаться, Геннадий Вениаминович, – сказала она.

– Спасибо, – зачем-то ответил директор, оставаясь на том же месте.

– Удачного бизнеса. – Мария захлопнула за собой дверь кабинета.

Что-то очень теплое и мокрое, хлесткое, то ли душ, то ли водопад... и тьма...

Звенел телефон откуда-то из-за водопада. Звонок таял. Геннадий Вениаминович не сдвинулся с места. Послышался стук в дверь, еще, еще, стук нарастал. Геннадий Вениаминович пришел в себя. В кабинет вошла секретарша.

– Геннадий Вениаминович, у вас через полчаса совещание, вам подготовить документы, что я собирала с утра?

– Совещание? Ах да, Ирочка, подготовь, принеси сейчас, я пробегусь.

– Хорошо, Геннадий Вениаминович. – Закрывая за собой дверь, секретарша бросила: – Какая шикарная женщина!

– Какая женщина? – не понимая, спросил директор.

– Та, что от вас только что вышла, – удивленно произнесла секретарша.

– Только что? От меня? Женщина?

– Геннадий Вениаминович, вы как себя чувствуете?

– Женщина?..

– 5 –

Вечером, стоя на балконе своего номера с бокалом шампанского, Мария, закрыв глаза, пыталась впитать в себя энергию города, энергию каждого его жителя, гостя... Картина Москвы менялась на глазах, но этого никто не замечал, изображение дрожало и искривлялось, воздух накалялся.

– А почему бы и нет? – произнесла она вслух. – Более чем обычные люди способны на самые необычные и непредсказуемые поступки. А люди с небольшими отклонениями от общепринятого понятия обычного человека, осознающие свои комплексы, либо подразумевающие об их наличии благодаря отношению к ним со стороны, способны и на безумные поступки. А экстремальная ситуация лишь усугубляет их особенность. Это стоит проверить?

Она допила бокал до дна и вернулась в номер. Сев за стол, она извлекла из сумочки новую колоду карт и принялась ее раскладывать. Разложив, она снова их и перемешала, собрала в стопку и положила на стол. После этого она поднялась со своего места и несколько раз обошла вокруг стола. Наполнила себе еще бокал и вышла на балкон.

– Сколько мне нужно претендентов на игру? Думаю, достаточно двоих. Какие задачи перед ними поставим? – Она сделала глоток. – Как карта ляжет. Если их окажется больше? Я уж что-нибудь да придумаю. Судьба что-нибудь да выкинет. А как с ними распорядиться, направляя судьбу, это уж мне решать.

Мария вернулась и села за стол, принявшись перемешивать колоду, одновременно что-то шепча.

– Стоп! – воскликнула она и сняла с колоды первую карту.

Перевернув, она обнаружила бубновую шестерку. Она отложила ее в сторону.

Закрыв глаза, она снова перемешала карты, продолжая шептать.

– Стоп!

Бубновая дама.

– Интересно, – прошептала Мария, накрыв колоду ладонью. – Это еще не все. Посмотрим дальше.

Король пик.

– Это уже интересней. Совсем интересно. И это еще не все? – удивилась Мария, отрывая ладонь от колоды. Снова перемешала.

– Валет трэф! Что ж, наконец-то, ты тот, кто мне и нужен был в первую очередь. – Мария улыбнулась. – И король понадобится. Что делать с остальными? Будет как-то некрасиво лишать их шанса и выкидывать из игры. Да и балласт мне не нужен. Займу и их чем-нибудь. – Мария хищно улыбнулась.

Отложив четыре выбранные карты в сторону, она поднялась с места, и хотела выйти на балкон, но что-то ее задержало. Она замерла. Несмело наполнив бокал шампанским, она осторожно посмотрела на колоду карт и замерла.

– Нет, достаточно, – сказала она себе и направилась на балкон, но идя, случайно задела стол. Колода карт дрогнула, карты рассыпались, и одна из них упала на пол. Упала она рубашкой вверх.

– Нет, это уже лишнее, – уверенно произнесла Мария и вышла на балкон.

Поставив бокал на перила, она взглянула на небо. Из-за городской иллюминации звезд на небе видно не было. Одна чернота.

– Что? – глядя вверх, глубоким голосом проговорила Мария. – Я сама решаю. Я сама власть и судьба. – Опустив голову и устремив взгляд в город, она выплеснула тьму из глаз и, развернувшись, вошла в номер.

Быстро подойдя к лежащей на полу карте, она наклонилась, взяла ее, села за стол и также, рубашкой кверху положила возле колоды. Немного помедлив, она пометила карту лежащим рядом карандашом, вставила карту внутрь колоды, закрыла глаза и начала ее перемешивать, снова что-то шепча. Резко остановившись, она с размаху положила колоду на стол и открыла глаза. Сверху оказалась меченая карта. Не переворачивая ее, она убрала колоду в шкатулку и отправилась в ванну.

На собрании у герцога, куда прибыла вся знать герцогства, говорилось о возможной угрозе нападения со стороны соседей, а именно одного из соседей, графа Гумбольдта, известного, как говорили знающие люди, своим бешеным нравом и неутомимой жаждой власти и новых земель.

– Еще при Фридрихе он был неуправляемым, но железная воля императора сдерживала таких, как он. Теперь же... да вы посмотрите, что происходит вокруг...

– Что же нам делать? Его войско гораздо сильнее нашего. Наемники со всех концов земли засели у него на земле. Нет никаких сомнений в том, что он готовится к войне.

– Мы можем обратиться к соседям за помощью.

– Не находится ли он уже с ними в сговоре?

– Для начала хотелось бы выяснить, откуда идет слух о его готовности напасть на нас. Есть ли какое либо подтверждение этому?

Повисла пауза.

– Если это происки ведьм, о которых говорят крестьяне, то грош цена таким вестям. Ведьмы из наших лесов!

– Барон, не будьте ребенком.

– Простите?..

– Вы же не станете верить в приметы, распространяемые крестьянами.

– Те, кто распространяет и есть пособники нечисти, на костер их!

– Уважаемое собрание, ни для кого не секрет, что на нашей земле завелась нечистая сила, а вот в каком облики она пребывает...

– Прекратите, – оборвал диспут герцог. – Я жду предложений, а не рассказней о разной нечисти.

– Осень начинается. Не лучшее время для войны. Урожай скуден, скот мрет, приметы...

– Я просил...

– Народ в страхе. Смерть барона Траубе послужила поводом для пересудов.

Генрих замер, боясь оказаться в центре внимания.

– Как это относится к делу?

– Судачат, что в землях объявился черный всадник.

– Что за черный всадник? – сурово спросил герцог, хотя сам прекрасно все знал.

– Поговаривают, что это сам Дьявол. Также поговаривают, что граф Гумбольдт, я прошу прощения, продал душу Дьяволу...

– И тот начал косить самых немощных рыцарей? – продолжил один из присутствующих. – Не говорите чепухи.

– Вы не верите даже в бога!

– За такие слова...

– Прекратить! – воскликнул герцог. – Я и сам готов поверить в то, что среди нас нечистая, раз мы позволяем между собой грызться, подобно волкам.

– Послушайте, господа, – подал слабый голос граф Штольберг, – давайте каждый в своей земле посчитает запасы и силы, коими мы располагаем, а после уже будем принимать дальнейшие решения.

– Ты, граф, за своей племянницей присматривай, говорят она красавица, а военные дела для тебя дело прошлое. – Раздался хохот.

– Я согласен с графом, – объявил герцог, заставив тем самым всех замолчать.

Услышав о приехавшей к графу племяннице, Генрих перестал слушать дальнейший разговор. Что-то кольнуло его прямо в сердце. Он ощутил непонятную тяжесть во всем теле, такую же, как испытал впервые, когда услышал о ее приезде. Он принялся высматривать графа Штольберга, сидящего по правую руку от герцога. У такого неказистого, обрюзгшего старика есть красивая племянница?

«Какое мне дело? – думал Генрих. – При дворе герцога предостаточно чудесных дам. И этих дам я уже видел. Матильда, Грета. Боже, я совсем о них забыл. И все незамужние. И все благоволят мне. Что меня так тревожит эта северянка, которую я не видел? Что-то со мной не так. Это черный всадник не дает мне покоя... Но при чем тут он? Я запутался. Они говорят о войне в то время, когда грядет зима, а с ней, возможно, голод, раз урожай настолько скуден... Боже, о чем я?»

Только сейчас Генрих ощутил, что у него кружится голова и подкашиваются колени. Он почувствовал тошноту. Как? С чего? Так неожиданно? Нет, это началось, – и он это осознал, – сразу, как он услышал... о племяннице графа.

– Проклятье, – прошептал он, прислонившись к стене. – Не хватало мне еще свалиться прямо тут.

В это время вокруг поднялся гвалт. Прения были в самом разгаре.

«Господи, прости... что со мной происходит?» Генрих попятился к выходу. Оказавшись вскоре на улице, он принялся жадно хватать ртом воздух. «В суматохе моего отсутствия не заметят», – подумал он. Генрих медленно шел вдоль крепостной стены. Его шатало в разные стороны. Вдруг ему показалось, что воздух вокруг него задрожал, а все, что он видел, оказалось искривленным. Он принялся креститься. Послышалось карканье ворон.

Генрих не понимал, куда направляется, его мотало из стороны в сторону, и, что самое необъяснимое, как он успел отметить, – люди, проходящие мимо, не обращали на него никакого внимания.

«Куда я иду?» Ему казалось, он теряет сознание...

– Ты куда, Вить? – окликнула мать.

– Пойду, прогуляюсь немного. У меня какое-то кислородное голодание, – смеясь, ответил Виктор, отпирая входную дверь.

– Ты думаешь, московский воздух тебе поможет с этим справиться? – спросил отец.

– В сквер загляну, – сказал Виктор.

– Время десятый час, – заметил отец. – Тебе на работу не нужно завтра?

– Я ненадолго. Кстати, я написал заявление на отпуск. Буду дышать весной. – Виктор вышел за дверь.

– Что происходит с нашим сыном? – встревожено проговорила мать.

– Он же говорил, переходный возраст, – сказал отец. – К тому же, весна.

– Да ну тебя.

Виктор вышел во двор своего дома. Тусклый свет фонарей освещал дорожку, ведущую на центральную улицу, где все еще шумел день. Дойдя до ближайшего сквера, Виктор окунулся в свежесть майской зелени, столь нечасто встречаемой в центре Москвы. Редкие прохожие брели взад и вперед мимо него. Ему казалось, что, не смотря на довольно поздний час для среды, они никуда не спешили.

«Москва – удивительный город. Несмотря на то, что в рамках мировых стандартов его нельзя назвать туристическим центром, тут сложно отличить человека, идущего с работы или, наоборот, на работу, от простого зеваки или, действительно, от туриста. Да и какая, собственно,

разница. – Виктор присел на лавку, он тяжело дышал. – Возможно ли такое, что мне просто не хватает пространства. Как в физическом, так и в образном, философском смысле? Мне тесно. Не то, что бы мне тесно в квартире или в офисе. Мне тесно... на земле. Что со мной, черт возьми? Начал рассуждать, как обиженный на весь свет подросток. У меня, определенно, переходный возраст. А если нет? Тогда, что со мной? Как жаль, что я не обзавелся настоящими друзьями. Возможно, с ними, за кружкой пива, можно было бы обсудить все, что угодно. Родители? Это несколько не то. Эти сны, очень похожие на видения, или видения, похожие на сны. Устал? – Виктор на мгновение закрыл глаза и представил берег моря, моря холодного, моря на закате. – Закат. К чему это? – Виктор поднял голову. Он сидел под огромным старым дубом. – Дуб... зеленеющий».

Недалеко остановился троллейбус, высадил пассажиров и тронулся дальше.

– Ты никого не взял с собой, – прошептал Виктор.

«Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
в случайный...»

– 6 –

Утром следующего дня Мария сидела перед столом, на котором были выложены четыре карты: пиковый король, бубновая шестерка, трефовый валет и бубновая дама. Глубоко вздохнув, она отложила шестерку и даму в сторону.

– Зачем вы мне? – обращаясь к картам, спросила Мария. – Хотите продлить мой отпуск? Что мне с вами делать? Ради вас сочинять вашу жизнь? Как вы ко мне попали? Как я вас сама к себе зазвала? Разгулялась, Машенька. Ладно, выясним, кем вы должны стать, и там уж решим, что из вас получится. Валет трэф! Главное действующее лицо в этом покере. Здравствуй, Валет! Хочу тебя поздравить, если выполнишь задание, получишь приз, пока твой двойник сидит в банке под стражей. Ты хоть и полный кретин, но не до такой степени, чтобы отказываться от сладкого. А вот уровень твоего внутреннего сумасбродства мы и проверим. Подпасть самую мертвую крысу, и она встрепенется. Извини, Валет, за грубость. Может, я и не права относительно тебя. Но, что это я? Я редко, когда бываю неправа. Ух, ты, сказала. Я всегда права. Ну, что ж. С тобой будет проще. Отложим. А начнем мы с тебя, пиковый король. Не обессудь, но твое досье у меня в голове. Сложный ты тип, король. Что ж, такси вызовем сейчас или дождемся вечера, когда ты будешь в своем привычном образе? Пожалуй, до вечера. А пока мы с господином полковником навестим банк. А ты жди, король.

Мария встала, потянулась, и тут взгляд ее упал на шкатулку с колодой карт. Она помрачнела и тут же вышла на балкон.

– Банк, потом король. После валет трэф. А там видно будет.

Мария взяла телефон.

– Доброе утро, Вадим Николаевич. У меня к вам предложение. Как вы относитесь к прогулке к истоку, я о банке? У меня небольшой план, по дороге расскажу.

– Как вам план, Вадим Николаевич? – спрашивала Мария Железнова, когда они уже подъезжали к банку.

– Замечательный! – не пытаясь скрыть иронии, ответил полковник. – И вы хотите, чтобы я сейчас пошел и изложил его директору банка?

– Я хочу, чтобы мы изложили его директору банка, – поправила его Мария.

– И как мне вас представить? – спросил полковник.

– Специалистом по связям с общественностью, – нашлась Мария.

– Допустим, – согласился Железнов. – Ну, а где вы найдете двойника?

– Он у меня уже есть, – ответила Мария.

– То есть, мне вы об этом сказать не потрудились? – возмущенно спросил полковник.

– Я и ему об этом еще ничего не говорила, – сказал Мария. – Все мое время. Сейчас нам нужно получить согласие директора на фиктивную передачу, ну, и получить материал.

– Вы о программе?

– О ней, разумеется. На той стороне не станут доверять пустой флэшке. Мы же не в казаки-разбойники играем... – Мария задумалась. – Стоп, я прекрасно понимаю ваши намерения, во всяком случае, догадываюсь о том, что бы вы сделали. Как только контрагент получит данные, вы его сотрете с лица земли вместе со всеми концами...

– С чего вы так решили? – наигранно удивился Железнов.

– А у вас есть какой-то запасной план? – спросила Мария. – Он, возможно, и мог бы возникнуть, да вы не потрудились об этом подумать. Вы однолинейны, полковник.

– Что? – не понял тот.

– Вы зациклились на том, чтобы осуществить передачу, да заполнить информацию, а вот как вы это будете объяснять тому же банку, вы не подумали.

– Форс-мажор, – нашелся Железнов.

– Чудесно, что вам известно такое непростое слово, но операции «Исток» не разморозит, удовлетворившись этим замечательным существительным. Вы еще предложите на роль покупателя своего человека, да сообщите о банке, в котором он работает. Не нужно считать всех идиотами. Исток плотно сотрудничает с рядом банков, одним из которых является «Аркада». Это факт. Логично, что клерк Истока завел знакомство с клерком из «Аркады». Он дилетант и искать покупателя со стороны, что было бы гораздо безопасней, не стал. Да почему дилетант? Просто, дурак. Какая разница? Вы уверены в том, что ваш человек из «Аркады» контролирует ситуацию?

– Уверен. И я не вижу преград для того, чтобы он сам выступил в качестве покупателя при передаче.

– Вы хотите аннулировать промежуточное звено физически? – поинтересовалась Мария.

– Вопрос государственной... – начал Железнов.

– Да заберите у «Истока» информацию, – прервала его Мария, – а заодно и деньги, которые вам так необходимы, силой. Какие проблемы?

– Это разные...

– Вы сами рискуете, полковник, – строго произнесла Мария. – Или вы забыли о том, что факт преступления известен МВД. И это не единственное препятствие вашим абсурдным идеям. Очевидно, что клерк «Аркады» не согласится на отказ от посредничества, рискуя тем самым потерять свой бонус. Под давлением он может выкинуть что-нибудь неприятное. Просто возьмет, да и настучит в «Исток» за определенное вознаграждение, и не будет думать о последствиях, – ведь он будет обижен. Так что, не стоит изобретать велосипед. Есть покупатель, есть промежуточное звено. Осталось отмазать вашего инициативного товарища.

– Так что вы предлагаете?

– Придумайте легенду для клерка с той стороны задним числом, – сказала Мария. – Если вы предложите ему сотрудничество до передачи, он может пойти в отказ. Ведь никаких доказательств у вас нет. Единственный, кто его знает, сидит в клетке у «Истока»...

– Остановитесь! – воскликнул Железнов.

– Что такое? – удивилась Мария.

– Я ничего не понимаю. Какая легенда задним числом? Что... – рассеяно заговорил Железнов.

– Хорошо, – улыбнувшись, сказала Мария. – Итак, вы не трогаете клерка до передачи. Он просто испугается или, я уже говорила, выкинет что-нибудь. А по факту передачи, то есть, совершения преступления, когда деваться ему будет некуда, и он будет этим прижат, вы, при наличии таких технических и людских ресурсов, какие есть у вас, незаметно для «Истока», который тоже будет контролировать передачу, перехватите его и переориентируете на какой-нибудь неугодный банк. Поинтересуйтесь в «Центральном банке», с кем можно сделку заключить... Шутка. Вы понимаете? Получится так, что он совершает покупку не для «Аркады»! Со стороны все просто, вы не находите?

– Откуда вы такая взялась? – проворчал полковник.

– Я вам уже говорила – вам лучше не знать.

– А двойник? На него можно положиться?

– Он сотрудник органов, то есть, практически профессионал.

– Вы только что говорили о том, что МВД... – начал возмущаться Железнов.

– И как раз, для того, чтобы и МВД не остались в обиде, а заодно и поучаствовало в расследовании, которое вы у них отобрали, мы и привлечем их сотрудника.

– Вы меня дурите? – серьезно спросил Железнов.

– Как можно, господин полковник? – Мария кинула свой хищный взгляд.

– Что дальше? – полковник напрягся.

– Все. Дальше по ситуации.

– Принято, – выдавил из себя Железнов.

– Bravo! Мы приехали. В принципе, я могу молчать. Вы же все запомнили? Напомню, главное сейчас добиться договоренности вашего крота с покупателем о встрече. И чтобы эта информация досталась нам, а не была использована этими лицензированными боевиками... ну, что я повторяю. Я помогу. У меня с директором банка связь.

– Чего у вас? – не понял Железнов.

– Так вы все запомнили?

– Вот только не надо еще и...

– Идемте, товарищ.

Переговоры с директором банка действительно вел полковник Железнов. Мария, сидя в стороне, на том же диванчике, лишь корректировала некоторые нюансы, и, как правило, используя язык взгляда, что в отношении полковника, что в отношении директора банка. И переговоры прошли успешно. Геннадий Вениаминович согласился на все условия, предложенные Железновым, уточнив при этом, что носитель с программой он передаст двойнику лично в руки перед его отправкой на задание. Данное условие полковник счел справедливым, попросив, с подачи Марии, получить фрагмент программы, или демо-версию, на что директор согласился.

– Жду от вас двойника, – сказал Железнов, садясь в машину и захлопывая дверь.

– Ценю вашу вежливость, полковник Железнов, – медленно проговорила Мария, блеснув своими черными глазами вслед отъезжающему автомобилю.

Вернувшись к себе, Железнов сел за стол, извлек из одного кармана пачку сигарет, из другого кармана телефон. Прикурив сигарету, он набрал номер.

– Слушай меня внимательно, Сонин, – проговорил он, – я перекинул тебе фото одной дамочки. Получил? Хорошо. Я и говорю об этом. Первое – никто не должен знать о том, что я тебе поручаю. Есть только фото и имя Мария. Имя, скорее всего фальшивое, поэтому его в расчет не принимай. А фото пробей по всем базам, что у нас есть. Кровь из носу, но выясни, что это за тварь. Задание понятно? Выполнять!

– 7 –

Антон Климов родился в семье военных, и все детство провел в переездах. Особой любви к профессии военного он не испытывал, но его отец был очень жестким человеком, даром, что потомственный офицер, и никаких отказов, тем более, касающихся смены наследственной профессии, не принимал. Тем не менее, Антон, хоть и поступил в военное училище, но именовалось оно «Ленинградское высшее военное инженерно-строительное Краснознаменное училище».

С отцом они перестали разговаривать до тех пор, пока в составе Инженерных войск Антон ни оказался в Чечне, где был трижды ранен, в том числе, контужен, и неоднократно награжден. Именно контузия, вернее сказать факт контузии, сыграл с ним в дальнейшем злую шутку, если судьбу можно назвать шуткой. Но, об это чуть позже. После того, как Антон комиссовался, он через какое-то время перевелся в Федеральное агентство правительственной связи и информации. А после ушел и оттуда, навсегда порвав жизнь с чем-то, относящимся к военной службе, да и к службе вообще. Отец его к тому времени уже скончался. Сейчас он работал в проектом институте, заместителем главного инженера. Антон с самого детства был человеком сильным, и сильным не только физически. Он был высок, статен, одним словом, «настоящий полковник». Его сила и целеустремленность позволили вырваться его институту на такой уровень, что ему пророчили пост главного инженера. Но, человеком он был сложным. С людьми сходится тяжело. Характер! Об этом многое могли бы рассказать его коллеги, частенько ссылавшиеся как раз на его контузию. С женщинами он сходился так же, как и с людьми в целом, то есть, тяжело. Да что там говорить, с женщинами ему категорически не везло. Ирония судьбы. Такой мужчина – мечта любой женщины. Но нет, не так все просто в этой жизни. Хотя он даже был женат, дважды, оба раза продолжительность семейных отношений не превысила двух месяцев. Какие-либо другие отношения с противоположным полом заводились крайне тяжело и также не имели никаких признаков продолжения. От него мгновенно все отворачивались.

И он подошел к черте. Нет, он не размусоливал тирады о смысле жизни и о своем назначении в ней, он просто хотел разобраться, будучи на пятом десятке лет, разобраться, так ли все происходит, как должно происходить. И как оно все должно происходить. И что, или кто всему виной. Если бы он пришел к выводу, что причиной всех, происходящих с ним неурядиц, он сам, то он бы, будучи человеком сильным, постарался что-то изменить в себе, как бы ни смешно это звучало в его возрасте, да с его опытом. А если бы та черта, к которой он подошел, уперлась бы в тупик, то он, – и он это для себя решил, как человек благородный, как офицер, – не стал бы мешать жить остальным. Хотя к такому выводу, как и ко многим другим подобным, перспективным, он не надеялся прийти.

Сейчас он взял отпуск на месяц и принялся заливать свои размышления водкой и прочими напитками аналогичного свойства в самых дешевых барах. Утром он размышлял, вечером глушил свои изыскания. Он отчетливо осознавал, что попал в замкнутый круг, и что выйти из него ему вполне под силу, но, то ли в силу упрямства, то ли назло самому себе, он не хотел этого делать. Каждый вечер он сидел в полном одиночестве и заливал его спиртным. Сила тоже способна дать слабину. Возможно, ей нужен толчок извне?

Хозяин бара «Вест» старался придать заведению оттенок дикого запада. По стенам были развешены снимки из американских вестернов, болтались ковбойские шляпы, а над стойкой был даже прикреплен «Смит-вессон» 45 калибра, как будто настоящий. Было довольно грязно, что в какой-то мере добавляло определенного шарма в общую композицию. В соседнем помещении расположился американский бильярд. Звучала музыка в стиле «кантри». Большинство посетителей были мужчины, засевшие за столики с изрядным количеством алкоголя, дабы

поговорить за жизнь. Женщин было мало – лишь один единственный коллектив, расположившийся в самом дальнем углу, отмечал какое-то событие и методично отгонял от себя назойливых мужчин, достигших степени опьянения под названием «А давайте познакомимся». Еще одна девушка сидела у окна и, видимо, кого-то ждала. За стойкой примостились две дамочки, перекрашенные настолько, что вряд ли бы кто промахнулся, задумываясь о роде их занятия и цели посещения заведения. Один, в дым пьяный мужчина, качался на табурете возле стойки, и еще один сидел за столом у окна, спиной ко всем, то и дело, налегая на виски.

Войдя в бар, Мария мгновенно оценила обстановку и присела за стойку, заказав коктейль. Как ни была она привлекательна, – хотя для данного заведения Мария и придавала своей внешности соответствующий лоск, – на нее никто не обратил внимания. Даже раскрашенные, как индейцы, путаны, лишь искоса глянули на нее.

– Еще! – раздался голос одинокого мужчины, сидящего спиной.

Его не расслышали.

– Вы скучаете одна? – неожиданно обратился к Марии мужчина, качающийся на табурете.

– Возможно, – ответила она.

– А могу я поскучать вместе с вами? – протянул он.

– Вам не понравится, – сказал Мария.

– Почему вы так думаете? – не меняя интонации, спросил мужчина.

– От скуки я пью кровь, – разглядывая ассортимент бара, проговорила Мария.

– Это такой коктейль? – решил уточнить мужчина.

– Нет, это кровь.

– Какая еще кровь?

– Ну, если поскучать вместе со мной хотите вы, – продолжила Мария, разворачиваясь к собеседнику, – то, скорее всего, это будет ваша кровь.

Мужчина потряс головой, развернулся и пошел обратно к своему столу, пробормотав:

– Ни хрена не понял. Надо выпить.

Становилось тоскливо.

– Еще! – словно опомнившись, крикнул мужчина, сидевший спиной к залу.

Посидев пять минут, мужчина поднялся и направился к стойке бара. Это был довольно высокий, статный мужчина крепкого телосложения, на вид ему было лет пятьдесят. Массивный подбородок его свидетельствовал о несокрушимой воле, а поникший взгляд – о безмерной грусти.

Он подошел к стойке, прямо к тому месту, где сидела Мария и потягивала через трубочку коктейль.

– Я уже долго жду, – обиженно проговорил он.

– Приличные люди просят не так, – смело заметил бармен.

Сравнив весовые категории бармена и подошедшего мужчины, Мария решила, что первого сейчас убьют. Но произошло совсем не так. Мужчина сказал:

– Извини, дружище, задумался. Плесни мне тогда прямо тут. Пятьдесят.

– Не вопрос, сейчас сделаем, – ответил бармен, – но тут же занялся чем-то другим, постепенно выстраивая план приготовления стакана виски.

Тут мужчина обратил внимание на Марию. Он посмотрел ей прямо в лицо, грустно улыбнулся и отвернулся к бармену.

Получив свой стакан, он, отпив его наполовину, попросил тут же повторить.

– Простите, мадам, – неожиданно, видимо даже для себя самого, обратился он к Марии, – вы так красивы, что вас трудно не заметить. А я тут сижу с вами, как баран... но, я все равно, не знаю, что вам сказать, так, что простите.

Бармен, подслушав разговор, криво усмехнулся и помотал головой.

– Угостите меня виски, – сказала Маша.

Бармен поскользнулся и растянулся за стойкой.

– Вы не ушиблись? – поинтересовалась Маша.

– Все отлично, – отозвался бармен.

Мария, только получив от бармена свой стакан, залпом осушила его. Мужчина удивленно кивнул.

– Маша, – представилась Мария.

– Антон, – сказал мужчина.

– Может, возьмем бутылку и вернемся на ваше место, – предложила Мария.

Антон оторопел, так же, как и бармен. Антон с Марией отошли и присели за дальний столик.

Прошло каких-то десять минут.

– Нет, с женщинами мне категорически не везет! – эмоционально рассказывал Антон Климов. – Дважды был женат, и все мимо, в молоко. И это все мелочи, житейские мелочи. – Он остановился. На мгновение задумавшись, он, постепенно увеличивая темп, продолжил: – Я вот задался целью изучить самого себя, но предметом моего изучения стали марки виски, да прочего пошла. Я не знаю, что вы делаете рядом со мной. Мне это более чем не привычно. Я... мне порой кажется, что я просто-напросто лишний на этой земле. Я был трижды ранен на войне. Думаю, меня должны были там убить, просто обязаны были. Это было бы гораздо гуманнее по отношению ко всему человечеству.

– Ну, это не вам решать, – заметила Мария.

– А кому? – воскликнул Климов, – Богу?

– Вы верите в Бога? – спросила Мария.

– Скорее, в Дьявола, – бросил Антон.

– Это ничего не меняет, – проговорила Мария, – веря в одного, вы автоматически признаете существование другого.

– Ну, значит, я просто не верю, – заключил Климов. – Мне так проще.

– Сильным людям это и не нужно, – сказала Мария, – в большинстве своем.

– Вы так считаете? Простите, но религиозные темы не мой конек. От них мне становится не по себе. – Климова передернуло. – Веет чем-то... вот, как в церкви.

– Что вы говорите? – внимательно глядя на Климова, проговорила Мария, – вас пугают церкви?

– Не то, чтобы... – Климов замялся. – Я не знаю, но мне от них как-то не по себе. А вы ходите в церковь?

– Я? – Мария машинально рассмеялась. – Ой, простите. Я – нет.

– А вы не ведьма, случаем? Такая красивая и соблазнительная.

Мария впилась черными озерами своих глаз в Антона так, что тот чуть не протрезвел. Он тряхнул головой.

– Уф, перепил. Показалось. Нужно добавить, – пробормотал он.

– Так вы воевали? – спросила Мария.

– В Чечне, в инженерных войсках... – Антон принялся рассказывать про войну.

Он был так поражен, что его кто-то слушает, что не мог остановиться.

– Почему ушли из армии? – спросила Мария.

– Не мое это, – нехотя ответил Климов. – Не люблю оружие. Это бессмысленное оружие.

– Что такое бессмысленное оружие? – поинтересовалась Мария.

– Убивающие против воли природы, – задумчиво произнес Антон.

– А вы интересный человек, – улыбаясь, произнесла Мария.

– Впервые это слышу.

– А после армии? – продолжила Мария.

– ФАПСИ.

- Ого! У вас богатый опыт. Успешно?
- Более чем, – без доли скромности ответил Климов.
- А сейчас? – не давала передохнуть Мария
- Сейчас я работаю в институте... – И Антон принялся рассказывать о своих проектах
- Вскоре Мария знала об Антоне Климове все. Значительно больше того, что она смогла прочитать о нем в его глазах и мыслях.
- И чего вы хотите? – неожиданно спросила Мария.
- Сдохнуть, – не задумываясь, ответил Климов.
- Мне кажется, слабость вам не свойственно, – заметила Мария. – Тут что-то другое?
- Признавайтесь.
- Простите... – Антон осекся. – Не знаю. Я же вам говорю, я какой-то не такой, что ли. Со мной что-то не так. Вот вы со мной виски глушите и... я не пойму почему?
- Мария ухмыльнулась.
- Сдохнуть вы успеете, – сказала она, – не стоит к этому стремиться. И я вам напомню – не вам это решать. – Мария задумалась. – Вы тот, кто мне нужен.
- В каком смысле? – Климов чуть не поперхнулся.
- В самом прямом, – ответила Мария. – Что для вас опасность?
- Плевал я на нее!
- Вы готовы меня выслушать? – улыбнувшись, спросила Мария, – или подождем до завтра, когда мозг отдохнет от горячительной жидкости?
- Меня эта жидкость только вдохновляет, – признался Антон.
- Вдохновлять-то она всех вдохновляет, – согласилась Мария, – а вот трезвое восприятие заставляет потерять. Ну, если не против, могу в двух словах пояснить, – взяв серьезный тон, сказала Мария.
- Валяйте, если что упусти... – начал Климов.
- Завтра напомню, – предупредила Мария.
- Вы хотите встретиться со мной больше одного раза? – удивился Климов.
- Бросьте, Антон!
- Просто, обычно...
- Меня заинтересовали ваши навыки, – перебила Мария. – Ваши навыки, как военного, как технического специалиста, и как аналитика.
- Отрадно слышать, – не скрывая изумления, произнес Антон. – Вы меня вербуете?
- Считайте, что так. У меня для вас будет подготовлено несколько задач, о которых я буду информировать вас по мере их поступления. Сейчас задача первая. В моем распоряжении находится арсенал, предназначенный для прослушивания и ведения объектов...
- Вы все это серьезно? – перебил ее Климов.
- Мария не ответила, а бросила на своего собеседника такой взгляд, что тот моментально принял настолько сосредоточенный вид, что никто бы не догадался, что он не то, чтобы пьян, а и, вообще, хоть сколь-нибудь рассеян.
- Мне повторить? – спросила Мария.
- Я вас понял, – четко ответил Климов. – Оборудование. У меня у самого кое-что сохранилось. С этим я разберусь.
- Необходимо, чтобы в случае необходимости вы заглушили иные...
- Я снова вас понял, продолжайте, – отчеканил Климов.
- Далее, объект, которого необходимо будет вести, может соскочить...
- Что за объект?
- А вы действительно протрезвели, – заметила Мария и незаметно улыбнулась.
- Не протрезвел, а получил вдохновение, – уверил ее Климов.

– Объект – дилетант, банковский служащий, укравший важную финансовую информацию. Он захочет ее продать. И мы предполагаем, кому, но есть вероятность, что покупатель может поменяться. И тут нужно будет думать, кто это и где. Скорее всего, похититель будет искать нового покупателя сам. Или кто-то ему подскажет.

– Например, вы? – постарался угадать Климов.

– Не исключено. И не факт, что продажа, вторая продажа состоится в Москве.

– А где?

– Еще не ясно.

– Какой-то бред! – все же не выдержал Климов. – Вернее, выглядит, как... Вы извините меня. Вы меня словно околдовали. Вы приходите в бар, видите меня...

– Успокойтесь, – глубоким голосом произнесла Мария и заглянула Климову в глаза. – Когда дело пойдет, вы все поймете.

– Ну, хорошо, – смутившись, сказал Климов. – И еще...

– Миллион в американской валюте, – невозмутимо произнесла Мария.

Климов выдохнул. На этот раз он окончательно протрезвел.

– И все же. Вы сами кто? – спросил он.

– Я ваш шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.